

Валерий
ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ

г. Москва

ХОД К О Н Е М

повесть

Сейчас, когда жизнь подходила к развязке и очевидным стало, что после Анны он так и не был счастлив ни с одной женщиной, Быков все чаще перебирал в памяти те чувства и теплые мелочи любви, которые оказались главными в его жизни. «Что же это все-таки было?» — задавал он себе вопрос. И почему он был настолько слеп, эгоистичен и глуп, что не сумел понять: это был единственный шанс, когда Бог послал ему женщину, которая для него предназначалась? В памяти Быкова часто всплывало всё, что было связано с ней: знакомство, шалый поцелуй на людях, встречи под кронами каштанов, море, которое в тот год было синим-синим и разомлевшим, отрывки из разговоров, её зовущее, пахнущее миндалем тело, любовь, похожая на служение... А ещё — его заносчивость, щепетильность и холодный расчет, в котором «математика» победила сердце.

* * *

Июнь семидесятого оказался замечательным. Солнце в Москве палило нещадно, а в Сочи и того сильнее.

Уже в аэропорту по телу Быкова поползла испарина, заставившая срочно снять тонкий пуловер и остаться в футболке.

Устроившись в номере санатория, он сразу разделся и прямо в плавках двинул на пляж. На лифте спустился вниз, к морю, и направился в четвертую секцию: там была пометка «Без детей».

Пляж был галечный, даже через сандалии Быков чувствовал, как нагрета галька. Море — теплое, ласковое.

Быков вышел из воды бодрым, все мышцы гудели от удовольствия. Он поиграл бицепсами, стряхнул с тела воду и, улыбувшись небу, вдруг почувствовал себя абсолютно счастливым.

Неожиданно на него натолкнулась целая группа молодых женщин, которые гурьбой шли по пляжу. В одну секунду Быков попал к ним в окружение. Они хохотали и с любопытством его рассматривали.

— Смотрите, бабы, какой поплавок из воды вышел! — выкрикнула одна — коротко стриженная блондинка, — та, что оказалась поближе к единственному парню с ними.

Присмотревшись, Быков заметил, что вся эта шумная компания навеселе. У единственного парня — худого и гарцующего перед женским «взводом» — в руках была бутылка шампанского. Одна из женщин — красивая, губастая, с длинной косой — выхватила у парня бутылку и протянула её Быкову:

— Присоединяйтесь! А то у вас мурашки.

Парень крикнул:

— Допивайте, мы сейчас по дороге еще возьмем!

Все с нетерпением уставились на Быкова, и он большими глотками допил теплое шампанское. Кто-то из дам прихватил его за руку, кто-то чуть подтолкнул вперед, и он, согретый солнцем, вниманием и вином, пошел с незнакомой компанией по пляжу.

Вскоре выяснилось, что вся эта группа — актрисы детского театра. Одно личико Быков вспомнил по известному кинофильму — девушка играла главную роль. Её имя — Джемма — первой и назвал Эдик, по всей видимости, близкий друг одной из актрис. А та тотчас командным тоном заставила парня представить всю компанию. Пришлось назваться и самому Быкову.

Двинули по пляжу. По пути шумно, весело и безобидно обсуждали прохожих, которые давали повод посмеяться. Наконец впереди нарисовалось пляжное кафе «Палуба». Там Эдик прихватил еще шампанского и предложил приземлиться за столом, который стоял снаружи — под открытым небом. На этот раз у него оказались еще и пластмассовые стаканчики, которые он выдал каждому.

— Быков, — по фамилии обратился Эдик к новому знакомому, — открывай бутылки, и — погнали! Каждому — по глотку.

Быков открыл шампанское и стал разливать его в тянущиеся к нему стаканчики. Пена заливала руки, но это лишь добавляло веселья. Когда две бутылки уговорили, в компании стали травить анекдоты и подкалывать друг друга. Не трогали только героиню фильма, она среди всех словно была неприкасаемой, — чувствовалось ее особое положение.

Быков обратил внимание, что все актрисы были хорошенькими и какими-то миниатюрными. «Наверное, — подумал он, — такие акт-

рисы как раз и нужны для детского театра, где многим приходится играть мальчишек». И только одна из них — та, что с косой, — не подходила под стереотип тюзовской актрисы. Она была выше ростом, прекрасно сложена и, не сводя с Быкова глаз, улыбалась ему белесыми губами.

— Как вас зовут? — поинтересовался он, чтобы заговорить с ней.

— А вас? — вместо ответа спросила она.

— Я же представлялся, — напомнил Быков.

— Так и меня представляли. Разве вы забыли? Но было так шумно, я не расслышала, — призналась женщина.

— Меня зовут Борис. Борис Быков. Или, как кличут в народе, ББ. А вас?

— «А вас» зовут Аня. Аня Тарасова. Чем занимаетесь?

— Недавно еще — химией, — Борис покрутил в пальцах пластиковый стаканчик, — вот пластмассовым производством, но мечтаю перебраться в театр.

— Химией? — удивилась Анна. — А как сюда попали? Это же специфический санаторий — для своих, театральных.

— Попал по знакомству. У меня есть театральные друзья — устроили.

— Скажите — знакомая приткнула, — с иронией поддела Анна. — Вероятно, соблазнили какую-нибудь актрису, пообещали на ней жениться, а потом бросили и, получив от нее путевку, приехали на поиски новых жертв? Разве не так?

— Вы экстрасенс? — пошутил Быков. Он решил на шепот и признался: — Да, именно так и было. Или почти так. С той только разницей, что она тоже здесь, в санатории, с подругами из Большого театра.

— Большому больше всех путевок дают, вот вы и просочились, товарищ ББ. — Аня улыбалась, и при этом непонятно было — шутит она или его обвиняет в предосудительном поведении. Неожиданно она громко объявила: — А наш дорогой гость, оказывается, химик.

Все уставились на Быкова в недоумении.

— Не верю, — встрял Эдик. — Я долгие годы занимался в химическом производстве. Можно вопросик?

Эдик успел приревновать своих дам к Быко-

ву, на которого пялилась добрая половина «гарема». Он смял пластмассовый стаканчик и тут же его расправил:

— Вопрос на засыпку: где и когда изобрели это чудо? — он поиграл на ладони смятым стаканчиком и вручил его Борису.

Быков сделал паузу и предложил:

— Если я правильно отвечаю, то вы, Эдик, должны нас угощать.

Эдик вызывающе рассмеялся:

— На спор ставлю две бутылки коньяка, что ты не знаешь ответ!

— А где будем выпивать? — самоуверенно парировал Борис. Он вернул стаканчик Эдику и окинул всех интригующим взглядом. — Рецепт производства пластиковых стаканов, — начал издалека Борис, стараясь не выпендриваться своими познаниями, — изобрел американский бизнесмен Уильям Дарт. — Вся компания притихла и уставилась на оратора. Эдик, игравший на ладони стаканчиком, неожиданно стиснул его и швырнул в песок. — Легенды доносят, что однажды этот самый Уильям Дарт разбил стеклянный стакан, сидя в ресторане, и очень обиделся, когда официант включил стоимость посуды в счет. Тогда американца осенило: нужно, чтобы посуда не билась и была так дешева, что ее можно смело выкинуть после трапезы... — Среди присутствующих возникла абсолютная тишина. — Сейчас, — продолжал Быков, — корпорация Dart Container Corporation контролирует треть рынка одноразовой посуды в Америке, ежегодная прибыль компании — миллиарды долларов. Корпорация очень долгое время держала в секрете рецепт, но я его узнал. Если хотите, могу всё рассказать по формулам, но это займет много времени, а так хочется после шампанского коньяку, тем более время приближается к обеду.

Всё окружение заплодировало и испытующе уставилось на Эдика. Он нарочито широко улыбнулся и тотчас ответил:

— Не ожидал. Молодец. Все правильно. Формул не надо, идем в ресторан, два коньяка — с меня.

И тут совершенно неожиданно Аня схватила голову Быкова руками и поцеловала его в губы.

— Боря, простите меня за провокацию! — вы-

разительно, будто на сцене, воскликнула она. — Больше я так не буду!

Все двинулись в обратном направлении, шумно обсуждая спор и с уважением поглядывая на Быкова.

В ресторане интерес к Быкову еще более возрос. Теперь не только Аня, но и другие актрисы делали ему немудреные посылы, стремясь вызвать его симпатии, а Быков сосредоточился на «провокаторше». Однако Аня внешне спокойно и без видимых причин повела себя прохладно. Он занервничал, стал плоско шутить и постепенно переключился на знаменитую киногероиню, которая, заметив, что Аня дала Быкову отвод, охотно стала кокетничать с новоиспеченным знакомым.

На вопрос Быкова, почему так изменилось поведение Анны, киногероиня Джемма ответила без стеснения:

— У нее драма в личной жизни. Все просто: муж ушел к другой. Он известный музыкальный режиссер, — добавила она для остроты интриги. — Снимая фильм о дирижёре Ф., закрыл роман с его женой. Та потребовала, чтобы режиссер развелся, а он, дурак, так и сделал. — Джемма назвала имя режиссера, которое ничего Быкову не сказало. Потом продолжила: — Режиссер возмнил, что всерьез нужен дирижерской жене, но та поиграла с ним и бросила. Тогда он попробовал вернуться к Анне, но наша «обиходница» сделала мужу атанде и вот уже три месяца находится в подвешенном состоянии.

Когда посиделки в ресторане закончились, Быков сделал попытку проводить Анну, но та на его ухаживания не отреагировала и направилась в гостиницу с Джеммой. С этого момента общение Быкова с Анной прервалось.

С утра, мысленно возвращаясь к знакомству на пляже, Быков уже трезвее взглянул на события и особенно на поведение Анны, так удивившей его страстным поцелуем и откровенным безразличием.

Быков давно был холост и теперь с трудом представлял себе семейную жизнь и всевозможные брачные обязанности. А вспомнив, что от его новой знакомой ушел муж и расставание, по всей видимости, было драматич-

ным, решил, что не стоит больше тратить время на эту особу. «Ну, понравилась, — рассудил он, — но не все же должны бросаться к тебе, красавчику, на шею и отвечать взаимностью». Подумав еще на эту тему, он подвел оптимистический итог: женщин в санатории предостаточно, и на его удочку кто-нибудь да попадется.

Первую неделю Быков каждое утро исправно бегал к морю, охотно купался, загорал, играл в волейбол. Вечером он засыпал у себя в номере как убитый. А потом в нарушение всякого порядка в санатории открылся бар-кафе, куда зачастили отдыхающие. В баре-кафе под разные коктейли и напитки отдыхающие легко знакомились, начинали увлекаться друг другом. Случалось, что вечерние междусобойчики перерастали в утренние прогулки и даже совместный отдых, — намечались пары.

Быков не стал исключением. Увидев, что его бывшая подружка-балерина закрутила роман с режиссером второго оперного театра Москвы, он тоже решил не отставать. Вначале у него завелись две армянские певицы, певшие, как выяснилось, дуэтом. Борис не сразу запомнил каждую в лицо, потому что обе старались его закадрить и при этом не прочь были улечься с ним в постель втроем. До такого «самообразования» Быков еще не дошел, поэтому быстро это общение прекратил. На другой раз в баре-кафе он отозвался на скромное ухаживание провинциальной и умной завитыши театра, которая, к его удивлению, писала стихи самого разнузданного содержания. Когда они сблизилась в её номере, ничего «особо стихотворного» на практике не последовало, все лучшее в ней так и осталось в поэзии. Далее все развивалось по нисходящей. Пережив еще одну авантюру — неожиданный ночной визит к нему в номер подружки балерины, которая романом с режиссером, оказывается, провоцировала Бориса вернуться, он решил завязать с бабами и даже больше не появляться в баре. «В конце концов, надо отдыхать, — решил он. — Не просыпаться же каждое утро с нездоровой головой и сожалениями, что молодость проходит так бездарно!»

Однажды, играя на пляже в волейбол, Быков познакомился с мхатовским актером, который

предложил ему шахматный турнир из пяти партий с призом — ужином в ресторане, оплаченным проигравшим. Как раз совсем недавно прошел прогремевший на весь мир «матч века» между Спасским и Ларсеном. Все любители шахмат обсуждали партию, в которой за семнадцать ходов Спасский разгромил самоуверенного датчанина.

Быков согласился на предложение мхатовца, потому что, во-первых, прилично играл в шахматы, а во-вторых, захотелось острых ощущений от всей этой истории. Мхатовец оказался не только актером, но и режиссером телевидения, известным человеком, поэтому, получив согласие потенциального противника на матч, раздул такую пропаганду и агитацию предстоящего турнира, что к первой партии проявили интерес десятки болельщиков.

За день до первой игры Быков взял в библиотеке «Сто партий Кереса», просмотрел несколько дебютов и, остановившись на защите Каро-Канн, заготовил для противника несколько ловушек. Турнир был назначен по предложению мхатовца после обеда: он был уверен в своей победе, поэтому воспринимал предстоящий матч как форму послеобеденного отдыха.

Действительно, к началу первой партии собралось немало болельщиков. Во время матча мхатовец, вскользь посматривая на своих знакомых, с трудом сдерживался от комментариев, когда Быков делал неверный ход, и, в конце концов, первую партию легко выиграл. Вечер мхатовец провел в баре, празднуя победу.

— Я дам химику еще одну контровую и сделаю счет 6:0. Я из тех шахматистов, — добавлял мхатовец, хвастая друзьям, — которые варианты не считают. Я их вижу.

О пижонстве противника Быков услышал. И хоть его это задело, но не обескуражило. В баре он не появился, а наутро отправился в соседний Дом отдыха, где с одиннадцати утра тоже проходил шахматный турнир. Потолкавшись среди зевак, он примерился к одной участнице турнира, которая в то время была свободна.

Когда Быков ей представился, сказал, откуда он, и предложил сыграть партию, она удивилась:

— А почему вы у себя в санатории не устроите турнир?

— Почему? — ответил он. — Как раз вчера начался турнир, и я его участник.

— И сколько игроков участвует? — спросила она.

— Двое — я и актер Ш.

Оказывается, его собеседница знала шахматного противника Быкова и даже назвала фильм с его участием.

— Он что, хорошо играет в шахматы? — удивилась она.

— Да, — отозвался Быков и сообщил, что первую партию он этому самому Ш. проиграл.

— А-а, — воскликнула она, — так вы хотите, чтобы я вас потренировала?

— Что значит «потренировала»? — возмутился уязвленный Быков. — А вдруг я лучше вашего играю и у вас выиграю?

— Простите, какую партию вы вчера играли?

— Первую, — без энтузиазма ответил Быков.

— Нет, что это была за партия, её характер: английское начало или, положим, защита Нимцовича?..

— Я играл защиту Каро-Канн, — с гордостью ответил Быков.

— Вы играли за белых?

— Да, за белых.

— А какой четвертый ход вы сделали: пешкой или слоном на «b-6»?

— Кажется, слоном.

— Это была ошибка. Надо было играть пешкой, потом выводить коня и только потом слона на «b-6», затем должна была быть рокировка. Вот так игралось продолжение защиты Каро-Канн в партии Кереса на турнире в Амстердаме в 1956 году. Так что, сделав первые грубые ошибки в дебюте и дав инициативу черным, вы, естественно, проиграли.

Когда Быков выслушал эту шахматную тираду из уст совсем молодой девушки, он обомлел. Он понял, что ему играть с этой «профессоршей» бессмысленно и опасно. Проигрыш мхатовцу и без того сказался на его настроении, проигрывать второй раз он не хотел. Шахматный кураж у него исчез, и Быков стал прощаться со своей собеседницей. Однако, почувствовав его настроение, она не позволила ему так бесславно покинуть Дом отдыха.

Взяв Быкова под руку, Гера (так звали молодую шахматистку) подвела его к свободному столу, где были расставлены фигуры, и начала играть за двоих защиту Каро-Канн, указывая на ошибки, допущенные Быковым.

Удивительно, но эти полтора часа, проведенные с кандидатом в мастера спорта по шахматам, произвели на него неизгладимое впечатление. С трудом дожив до обеда, Борис, недоев второе, ринулся к шахматному столу, где заранее были расставлены большие деревянные фигуры.

Мхатовец пришел с небольшим опозданием и стал играть без особого настроения. Вскоре это сказалось. Он «зевнул» пешку, потом — коня и, не желая продолжать явно проигранную партию, признал себя побежденным. Счет сравнялся. Противники сговорились играть третью партию через день.

На следующий день Быков буквально исчез с горизонта отдыхающих. Раздобыв пластмассовые малюсенькие шахматы у одного из курортников, он засел за книгу гроссмейстера Кереса и стал разбирать его партии. Проведя для пользы дела за шахматной доской целый день, он на следующий день выиграл у мхатовца третью партию за двадцать ходов. Окружение и болельщики мхатовца были разочарованы, и среди них даже появились люди, которые с симпатией стали относиться к «крепышу-химику», как они звали Быкова за глаза.

Правда, в четвертой партии было одно досадное для Быкова обстоятельство: партию он играл, находясь в такой эйфории от выигрыша в третьей, что не заметил, как еще в дебюте подставил ферзя, так что вскоре вынужденно признал себя побежденным.

И вот наступила решающая пятая партия. Она собрала много болельщиков. Большим кольцом они окружили шахматный стол и с трудом сдерживались, когда противники делали ходы. Быков заметил, что среди присутствующих появились и его знакомые — Эдик и актрисы детского театра. Анны среди них не было.

Партия шла с явным преимуществом Быкова, но вдруг один неверный ход изменил ситуацию. Положение белых оказалось сложнее, чем Быков предполагал. Он надолго задумался, не зная, какой ход сделать. Эдик, стояв-

ший близости, пригляделся к позиции, вскинул выразительно руки, делая вид, что у Быкова положение хуже некуда. Далее он протиснулся через группу болельщиков и еще раз, уже в отдалении, так же театрально вскинул руки. И вдруг рядом с Эдиком Быков заметил Анну. Распахнув блузку, она чуть спустила ее с плеч, обнажив грудь в купальном бюстгальтере, затем развернулась лицом к Эдику, а тот, нарисовав что-то на ее теле, крутанул Анну в сторону Быкова. На груди ее красным цветом был записан ход конем, о котором Быков вообще и не думал. Аня быстро занавесила грудь голубой блузкой, помахала Быкову рукой и как ни в чем не бывало стала кокетничать с Эдиком.

Эта сцена придала Быкову такую энергию, что он сразу увидел все плюсы начертанного хода. Оглядевшись по сторонам, не видел ли кто подсказку, — по части самолюбия Быков был особенно чувствителен — и удостоверившись, что все прошло незаметно, он через некоторое время сделал тот самый ход конем. Кто-то из толпы поощрительно вздохнул, и начался общий одобрительный гул. Дальше партия у Быкова шла как по маслу. Мхатовец еще сопротивлялся, в какой-то момент неожиданно предложил ничью с идеей сыграть еще контровую шестую партию, но Быков не согласился, и наконец мхатовец признал свое поражение. Болельщики устроили обоим шахматистам овации.

Взглянув на часы, проигравший объявил:

— Ужин в санатории отменяется. Встреча продолжится в ресторане. — Он повторно взглянул на часы и добавил: — Встречаемся в девятнадцать часов. Столик будет на четверых, так что советую пригласить близкого друга или подружку: здесь выбор превосходный.

Быков подумал, что мхатовец недалеко от истины, он решил попытать счастья и пригласить Анну, тем более что к победе она имела непосредственное отношение. Правда, теперь ему представлялось, что он и без подсказки сделал бы именно такой ход.

Чтобы приглашение было сделано красиво, он ринулся за ограду санатория купить цветы. Неподалеку от главного входа в небольшом цветочном магазине он выбрал букет белых

хризантем. Как только вышел из цветочного магазина, так сразу натолкнулся на Анну. Она выходила из продуктового и, увидев перед собой Быкова, смутилась.

— Неужели я вас так перепугал? — сказал он, тоже почувствовав волнение.

— Да, смутили.

Она, улыбнувшись, спросила:

— А откуда вы знаете, что я люблю хризантемы?

— Видимо, потому, что «у дураков и у влюблённых мысли сходятся», — выпалил он, вручил Анне цветы и неловко поцеловал ее руку.

— Спасибо! Поздравляю вас с победой в турнире. Весь санаторий восхищается вами, молодой человек. Я тоже из тех, кто обрадовался вашему успеху.

— Неужели? — с шуточной недоверчивостью спросил он.

— Да, обрадовалась, потому что Владислав Ш. — большой балабол и любитель выпендриться. Кстати, я хочу вам сделать подарок в честь вашей победы. — Она достала из своей сумки небольшой пакет и вручила его Быкову.

Он открыл его и увидел резиновую шапочку и очки для плавания под водой.

— Спасибо, — он торопливо поцеловал Анну в щеку, хотя неловкость между ними не пропала. — По-видимому, это какой-то символический подарок. Наверное, намек, чтобы я занялся подводным плаванием? Не так ли? — пытался вновь пошутить.

— Нет, это чтобы вы берегли ваши волосы. Вот у меня крепкий и толстый волос. Мы — Тарасовы — сроду такие. А у вас, как у всех блондинов, волос тонкий, ломкий, эту красоту надо особенно беречь. Вон у вас уже намечаются небольшие залысины, а вода здесь не только соленая... Чёрное море представляет собой бомбу замедленного действия. Всё дело в сероводороде. Вы же химик и должны знать это лучше, чем я. Принюхайтесь, когда вы плаваете. Чем пахнет вода?

— Сказать правду? — лукаво спросил он.

— Можете не говорить, но знаю, что догадаетесь. Поэтому плавайте в шапочке, все-таки это спокойнее.

— Для кого спокойнее?

— Для ваших поклонниц.

— А вы, Аня, будете спокойнее? — всё самоувереннее допрашивал Быков.

— Раз я позаботилась о вас, значит, и я буду спокойнее.

— А мне будет спокойнее, — сказал он, взяв её за руку, — если мы перейдем на «ты». Можно?

— Хорошо, будем на «ты». Я согласна.

— А какое, Аня, у тебя отчество?

— Я Анна Ивановна.

— Ты на кого похожа? На папу или на маму?

— Больше — на папу.

— Он какой был?

— А зачем тебе это?

— Мне интересно все, что с тобой связано, — признался Борис.

— Мой папа был высокий, стройный, доброжелательный... Он был обаятельный и признавал свое обаяние. Он был весь... — Анна подбирала слова, — как бы это получше сказать... как пружина. А мама была хорошей артисткой «Ленкома», сейчас вместе со мной воспитывает мою дочку. Я здесь, а она в Москве с Дашей. Что ты еще хочешь узнать?

— Я хочу знать, можешь ли ты составить мне компанию по случаю моей победы? Владислав Ш. пригласил на банкет по случаю завершения нашего турнира. Ну, так как?

— Хорошо, только мне надо переодеться.

— Зачем, ты и так хороша, — от Быкова это прозвучало искренне.

— Нет, я хочу быть еще лучше. К тому же я приготовила тебе еще кое-какой подарок. — Борис задумался, пытаясь угадать, что за подарок его еще ждет. — Не ломай голову, это книга о театре. В общем, статьи одного известного в прошлом режиссера. Ты же сказал, что будешь поступать в театральное?

— Да, есть мечта — поступить на режиссуру. Очень люблю оперу, мечтаю поставить «Маскарад».

— Но оперы «Маскарад» не существует, — поправила его Анна.

— Я мечтаю о композиторе, который напишет оперу «Маскарад», а я её поставлю, — вывернулся Быков.

Они пошли в здание санаторной гостиницы, и Быков стал увлеченно рассказывать о своей будущей постановке. Пятьдесят четвертый номер, в котором она жила, был на пятом этаже.

Перед тем как войти, она благодарно прижала цветы к лицу, кивнула ему, сказала:

— Я — быстро, — и скрылась за дверью.

Быков, счастливый и до крайности возбужденный, остался в коридоре.

Её не было минут двадцать. Он уже начал нервничать. Но когда она, загорелая, нарядная, вышла из номера, Быков был потрясен. Такой красивой женщины он до сих пор не видел. В ней было что-то неуловимо породистое, что-то неприступное и желанное. Она была воплощением совершенства.

Ресторан был забит до отказа, но предусмотрительный мхатовец сделал заказ еще днем, сразу после проигранной партии. Соперники встретились у входа. Молодой официант, грузин с шапкой волос и тонкими усиками, провел их к заказанному столу. Там уже были фрукты и приборы. Сюрпризом для Быкова стало, что с Владиславом Ш. пришла на банкет его бывшая — балерина из Большого театра.

Лена сразу предложила игру в незнакомых. Быков это понял и сделал вид, что видит ее первый раз. Владислав Ш. в свою очередь откровенно сообщил, что «одолжил» Лену у своего приятеля, который простыл и температурит. Приятелем как раз был тот самый режиссер из Академического театра оперы и балета Станиславского и Немировича-Данченко, с которым у Лены намечались какие-то отношения.

На удивление, женщины сразу понравились друг другу и принялись шепетать между собой, перескакивая с темы на тему. Мужчины, наоборот, пока не выпили водки и хорошо не закусили, говорили мало и неохотно. Видно было, что осадок от борьбы еще не прошел и победа одного совсем не радовала другого. Замечая, что разговор у мужчин не клеится, Аня вспомнила о «Маскараде» Лермонтова. Она поинтересовалась у Владислава Ш., не было ли попытки у кого-то из композиторов написать оперу по лермонтовской драме.

Владислав Ш., попав на знакомую тему, тут же оживился и выложил целую историю, связанную с «Маскарадом». Оказывается, оперу до сих пор никто не сочинил, это дело будущего, а вот музыка к спектаклю театра имени Вахтангова «Маскарад» была написана композитором

Хачатуряном. Тут мхатовец сделал интригующую паузу и добавил:

— Как всегда, отличился мой театр. Музыка Хачатуряна была использована в пьесе Бориса Лавренева «Лермонтов», поставленной у нас Раевским и Станицыным в 1954 году.

— Это тот Раевский, который руководит кафедрой в ГИТИСе? — спросил Быков.

— Да, я у него учился. Иосиф Моисеевич Раевский — изумительный режиссер и педагог. Он был ассистентом еще у Немировича-Данченко. А что, хотите заняться театром?

— Хочу поступить в ГИТИС на режиссерский факультет. С химией покончено.

— Идея неплохая, но в этом году поздно. Насколько я помню, прием документов заканчивается в конце июня. А сегодня... — Мхатовец посмотрел на часы. — Сегодня семнадцатое июня. Вам еще неделю отдыхать, так что на следующий год, — благодушно добавил: — Если что, поможем.

— Спасибо, в таких вопросах помощь похожа на протекцию. Не хочу, как у Грибоедова: «Три года не писал двух слов! И грянул вдруг как с облаков».

— Похвально! — снисходительно улыбнулся Владислав Ш. и обернулся на чей-то голос.

Оказалось, в зале началась развлекательная программа. Ведущий предложил гостям ресторана сыграть в игру, в которой победитель будет отмечен наградой.

— Сейчас, — сообщил в микрофон стоявший в центре зала молодой парень в строгом костюме с бабочкой, — я подойду к каждому столу, и любой, кто пожелает, может высказаться, спеть, что-нибудь процитировать. Строгое жюри определит победителя, которому будет вручен приз.

Все присутствующие в ресторане загудели и охотно откликнулись. Начался немудреный концерт. На дальних столиках кто-то спел романс, многие рассказывали какие-то истории. Когда молодой человек подошел к столу компании мхатовца, сперва предложил микрофон девушкам. Елена охотно вскочила со своего стула, сделав пару шагов к центру зала, встала на носочки и крутанула несколько красивых фуэте, которые зал встретил аплодисментами.

После этого микрофон взял Владислав Ш.

Он окинул взглядом зал и с нескрываемой иронией начал:

— Полезный совет гостеприимным хозяевам: «Если к вам пришли гости, поставьте на стол хрен. Тогда никто не сможет сказать, что у вас на столе ни хрена не было. А если вы поставите хрен в нескольких видах, тогда можно сказать гостям: «Какого хрена вам еще нужно?»

Зал жидко поаплодировал, и даже кто-то свистнул.

Микрофон перехватил Быков и сказал:

— Если кто-то из присутствующих угадает автора цитаты, которую я сейчас скажу, с меня бутылка любого напитка. — В ресторане воцарилась гробовая тишина. Быков неторопливо начал: — «Я предчувствую, что русские когда-нибудь, а может быть, при жизни нашей пристыдят самые просвещенные народы успехами своими в науках, неутомимостью в трудах и величием твердой и громкой славы», — умолк.

Со всех сторон стали раздаваться голоса, называющие Пушкина, Карамзина, большая часть гостей сошлась на Ломоносове.

И тут микрофон снова взял мхатовец и, перекрывая шум, выкрикнул:

— Это Петр Первый!

— Правильно! — отозвался Быков и спросил, что будет пить его визави.

— Коньяк! — так же громко ответил мхатовец.

— Идет! Ставлю коньяк.

Зал откликнулся дружными аплодисментами. Молодой человек хотел уже перейти за другой столик, но Быков его остановил:

— Подождите, у нас за столом еще одна девушка, может быть, она сочтет нужным тоже что-нибудь сказать. — Он передал Анне микрофон и выжидающе уставился на неё. Если бы Аня к этому времени не была достаточно навеселе, она бы ни за что не позволила себе сделать то, что сделала. Она взяла микрофон и, взглядываясь в зал, сказала:

— Я хочу прочитать одно произведение о любви. Но только не здесь, за столом, а на сцене. Там ведь есть микрофон?

Кто-то из оркестрантов крикнул:

— Здесь четыре микрофона! Для любви больше чем достаточно!

Такой смелый поступок всем показался вызо-

вом, и в зале мгновенно возникла тишина. Анна подошла к микрофону и обратилась к залу:

— Скажите, пожалуйста, в зале много влюбленных? Поднимите руки. — На удивление, больше половины зала подняли руки. — Тогда вы меня поймете. Я не буду называть произведение... Я только напому вам о той героине, которая, по словам Достоевского, воплощает характер русской женщины. — Она вскинула руки, потом как-то молитвенно сложила их и негромко, но отчетливо стала читать:

*— Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.*

Вдруг в оркестре заиграла скрипка, негромко в унисон зазвучал рояль. От неожиданности Аня чуть растерялась, но тотчас это придало ей новые силы. Голос её зазвучал сильнее, и она, овладев собой, продолжила:

*— Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...*

*Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!*

*Кто ты, мой ангел ли хранитель
Или коварный искуситель:
Мои сомненья разреши.*

*Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,*

*И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным укором!*

*Кончаю! Страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...*

Когда Анна закончила читать, в зале стояла непривычная для ресторана тишина. И вдруг раздались аплодисменты, грянул оркестр, и молодой человек, поднявшийся на сцену, вручил ей громадную морскую раковину и букет красных роз. Когда Аня шла к своему столу, её провожали аплодисменты и восторженные взгляды мужчин.

За столом уже был коньяк, и, наполнив рюмки, все выпили за её успех. Быков чувствовал себя как генерал на свадьбе. Он все воспринял на свой счет и не сводил с Анны влюбленных глаз. Елена прикусила губу, но делала вид, что и она восхищена. По-своему и искренне обрадовался Владислав Ш., сказав, что это было великолепное напоминание о том, как могут любить русские женщины.

Загремел оркестр, начали танцевать, поочередно меняясь парами. Лена блистала грацией, она все-таки не удержалась и ревниво шепотом выдала Быкову: «Откуда ты выкопал такой «влюбленный экземпляр»?» В свою очередь он «отомстил» ей, наступив на высокий подъем, который она в вальсе демонстрировала всему залу.

Когда объявили белый танец, к их столу подошла девушка в очках с увеличенными линзами и пригласила Быкова танцевать. Он с трудом вспомнил шахматистку из соседнего Дома отдыха и нехотя с какой-то глупой ухмылкой пошел на середину зала. После нескольких неуклюжих па он сообщил, что турнир выиграл и благодарен ей за ту полезную тренировку в Доме отдыха, которая состоялась накануне решающей игры.

И вдруг «шахматная профессорша» ехидным тоном процедила:

— Вы не мне должны быть благодарны, а вот

той женщине, которая сидит рядом с вами. Я видела, что на её груди был написан правильный ход конем на «f-6». Эта подсказка решила партию в вашу пользу.

В ту же секунду Быков почувствовал, что его словно ужалила змея. Мгновенно хорошее настроение улетучилось, и он боязливо оглянулся — не услышал ли кто-нибудь это ядовитое шипение?

— Я собирался сделать именно этот ход! — воскликнул он грубо и громко.

Но не тут-то было, «профессорша» ничуть не собиралась уступать. Она, как Незнакомец в драме Лермонтова, продолжила свою линию и твердо заявила:

— Я отлично видела: вы хотели пойти пешкой. Только не знаю почему, но еще во время нашей тренировки я заметила, что вы больше всего любите пешки. А выигрывают все-таки крупные фигуры.

После этих слов она вскинула на Быкова глаза, и он увидел, как нескрываемая месть блеснула в них за неблагодарность и невнимание к ней как женщине. Эта худющая, бестолково одетая девица в громадных окулярах словно специально появилась в ресторане, чтобы наступить ему не на «подъем», как Быков сделал бывшей своей возлюбленной, а на сердце, которое весь этот вечер ликовало от того, что оно принадлежит победителю. В следующую минуту он перестал танцевать и, спросив, где её стол, отвел «профессоршу» на место, где её поджидал худой, в таких же окулярах-очках юноша, похожий на молодого Таля.

Быков вернулся к столу, за которым в одиночестве сидела счастливая Анна. Когда он присел, она с некоторой интригой приоткрыла сумочку и достала губную помаду. Повертев черный тюбик помады у него перед носом, Аня покрасила губы и рукой, не прикасаясь к платью, написала в воздухе все тот же роковой ход конем на «f-6». Лицо Быкова подернулось судорогой. Он оглянулся, не заметила ли профессорша за дальним столом этот жест, и резко встал.

— Извини, — почти крикнул он, — мне надо срочно выйти.

Его не было минут двадцать. Вначале он вышел из ресторана на воздух, потом заглянул в

бар и выпил редкий напиток — джин с тоником. Все это время он не мог успокоиться. Быков давно замечал, что, когда он в чем-то внезапно проваливался, его уязвленное самолюбие неудержимо срывалось с «колков»: толкало его к жесткости, бесцеремонности и нежеланию считаться с чьим-то мнением. Нередко это приводило к тому, что у него гасла потребность в близких отношениях с друзьями и с женщинами. Появлялись деспотизм, болезненное стремление к власти и управлению другими людьми. Вот почему он все больше манкировал работой в лаборатории НИИ и мечтал о режиссерской профессии. Ему казалось, что работа химика даже в этимологическом смысле вызывает у людей раздражение, зато творчество режиссера — это та область, в которой его неумный характер найдет полное применение. Для него все только начиналось. Ему еще предстояло узнать, что без любви к людям в этой профессии делать нечего и успеха не добиться. Но все это понять сейчас он не мог, главная ломка была впереди, и к ней он был абсолютно не подготовлен.

* * *

Когда Быков вернулся, Владислав Ш. уже расплачивался с официантом.

— А мы, Борис, решили, что вы внезапно заболели. Я даже решил выговор сделать нашему официанту за плохую кухню.

— Не-ет, — стал оправдываться Быков, соврал: — встретил старого приятеля и не мог от него оторваться.

— Вы были в баре? — не к месту встрял официант.

— Да-да, именно, — подхватил Быков. — Встретил приятеля. Он предложил заманчивый проект — пришлось дать оценку и поспорить.

Быков взглянул на Анну и понял, что она ни одному его слову не поверила.

«Чертова бабья интуиция, — подумал он, — ей и соврать не получится».

— Значит, всё в порядке? — развея руками, спросил мхатовец. — Сэр, вы удовлетворены ужином?

Быков в знак одобрения тоже развея руками и, кивнув, не произнес ни слова. Он еще не мог

переломить плохое настроение и, главное, до-саду, что Аня об обмане знает.

— И так, мы квиты, можно идти на пленэр, — объявил мхатовец.

Когда вышли из ресторана, подувший с моря ласковый ветер напомнил, что они на южном курорте и такие посиделки в ресторанах хоть и нужны, но это всего лишь трата времени в сравнении с сочинской погодой и окружающей красотой. Всюду по периметру ресторана и дальше по дороге к морю горели фонари, мелькала реклама, вокруг было светло, как днем. Только когда они всей компанией подошли к дендрарию, а потом неторопливо двинулись по темной аллее под кронами каштановых деревьев, все почувствовали, что к ночи стало прохладно.

В темноте Быков тихо прошептал Анне строчки из лермонтовского «Маскарада»:

*Не весело, согласен, в час такой,
Наместо пламенных объятий,
С холодной встретиться рукой...*

На её многозначительное «неужели» Быков уверенно обнял Анну и почувствовал, как легко она отозвалась и тесно прижалась к нему.

Недолго постояв у входа в гостиничный корпус, пары распрощались и пошли в разные стороны. Перед уходом балерина неуклюже намекнула Быкову, что не прочь уединиться с ним в номере. Тот сделал вид, что не понял, и, недоумевающе пожав плечами, предложил Анне продолжить шахматные торжества в баре. Еще в ресторане Анна догадалась, что Быкова связывают с балериной особые отношения. Поэтому интимный намек Лены встретиться с Быковым Анна поняла по-своему и приготовила встречный план.

В баре оказалось много народа. Было накурено и душно. Многие танцевали под магнитофон, стоявший на стойке бара. Быков заказал бутылку вина и фисташки. В углу зала они заметили два свободных места и, пробравшись мимо танцующих пар, удобно устроились. Вокруг было шумно, весело, а они в этой яростно отплясывающей толпе впервые оказались наедине.

Намек Лены о встрече с Быковым подстег-

нул Анну к активным действиям. В другой ситуации ей, уверенной в своей привлекательности женщине, не пришлось бы участвовать в каком-либо конкурсе, но сейчас её задело за живое. «Фиг тебе, — твердо сказала она себе, — не видать тебе его сегодня как своих ушей». Анна еще не знала, как будет поступать — неприлично или осторожно, но решимость в этот вечер его не отпустить вспыхнула у неё мгновенно — еще тогда, когда балерина вертанула бедрами, указывая Быкову на верхние этажи гостиницы, где у него был номер.

В баре по её первым словам и мутным от счастья глазам Быков легко всё понял: она влюбилась. Это сразу придало ему уверенности. Возникло то чувство, с которым не спугает в отношениях с женщинами ни один мужчина — тогда родилась власть над нею. Уже с первого бокала его понесло.

Незаметно, но настойчиво Быков стал всеми способами выводить Анну из равновесия, возбуждать её: им двигало желание захватить большую власть над нею, занять более сильную позицию. Неожиданно в его памяти всплыли какие-то фрагменты из авторов, которых он читал в пору увлечения психоанализом. Он заговорил о свыше предназначенном единстве между мужчиной и женщиной. При этом упрекал особенно долго живущих в браке в том, что при продолжительных отношениях люди из-за мелочей подавляют друг друга. Глядя Ане в глаза и не отпуская ее руку, Быков внушал, что любовь — это то единственное, чего жаждет каждое человеческое сердце, не зная до конца, с чем предстоит иметь дело.

— Аня, — в какой-то момент воскликнул он, — любовь как будто выжигает наш сосуд, освобождает от лишнего! Она помогает нам измениться и показывает, что нам в конце концов мешает войти в Единство. Единство — вот что нам нужно.

Анна недоумевала. Чего его понесло в такие дебри? Разве он не видит, что она уже готова и отдастся ему без этих словесных кружев? И вдруг ей пришла мысль, как когда-то Татьяне Лариной из её любимого «Евгения Онегина»: «А не пародия ли он?» Однако когда они начали танцевать, то во время объятий она сразу и отчетливо почувствовала, что его фамилия

Быков неслучайна. Анна перестала сдерживать себя и все сильнее прижималась и безотчетно, как кошка, терлась о него, чувствуя его крепкие плечи. В конце концов она, не сопротивляясь, дала себя поцеловать на виду у всех.

Когда понял, что власть его безраздельна, Быков спросил:

— Ты не против, если мы пойдем ко мне?

Вспомнив о намерении Лены прийти к нему, Анна бесстыдно ответила:

— Нет уж, Леночке я тебя не отдам. Мы пойдем ко мне. К тому же у меня для тебя есть подарок.

— Подарок — это ты? — самоуверенно спросил он.

Она кивнула и неожиданно, как при знакомстве, отчаянно поцеловала его в губы.

Они торопливо пошли наверх, на пятый этаж, в ее номер. Там Анна сдернула с кровати простыню и быстро шмыгнула в ванную комнату. Через несколько минут, подобно греческой вакханке, она появилась с распущенными волосами, в белой, сделанной из простыни тунике, ловко подпоясанной каким-то ремешком. Она грациозно опустилась к нему на колени: Быков сидел в кресле, пока поджидал ее. Одним движением он встал вместе с ней и, бросив её на постель, стал раздеваться. Анна скинула с себя простыню. Он стал её целовать, чувствуя ее дрожь и аромат миндаля от кожи.

Всё длилось долго, при этом не было никакой усталости, лишь нарастала уверенность, что их встреча и близость не случайны, она кем-то предназначена свыше.

В какой-то момент Анна подставила ему грудь, сказала:

— Целуй, здесь есть еще помада, которая принесла тебе победу!

Эти слова мгновенно поменяли всю картину. Быков дернулся, словно его ударило током. Анна крепко обхватила его за спину, чтобы не вырвался. Через секунду она поняла, что совершила какую-то оплошность, стала его целовать, но не удержала: он оторвался от неё и встал.

Магия закончилась. Возникла какая-то придуманная пауза. Смысл и причина её дойдет до Анны много позже. Сейчас же она лишь недоумевала, почему так болезненно он прореагировал на её невинную шутку.

Он натянул плавки, джинсы, футболку и открыл холодильник. Там была початая бутылка вина, оставшаяся у Анны после встречи с Джеммой. Быков пригубил из горлышка — вино было холодным и безвкусным. Посмотрел на этикетку — «Рислинг», разлил в два стакана, стоящие на круглом столе, после чего, чокнувшись с тем, что предназначался Анне, одним замахом, большими глотками выпил эту кислятину.

За всеми его действиями она наблюдала лежа в постели. Наконец решив, что ему все же не на что обижаться, Анна села, закуталась в простыню, собрала свои в спешке разбросанные вещи и надолго ушла в ванную. Когда она одетая, с уложенными в косу волосами вышла из ванной комнаты, Бориса в номере уже не было. Ей бросилось в глаза: со стола исчезла книга «Статьи» режиссера Ивана Павлищева, подписанная ему в подарок и лежавшая на видном месте.

Следующие два дня они не виделись. Анна рано утром проскальзывала в столовую на завтрак и потом пряталась в номере: солнце в эти дни пекло беспощадно. Быков завтракал позже, а на пляже появлялся редко, предпочитая читать у себя в номере.

Первой догадалась, что между Анной и Борисом произошла ссора, Джемма. Не видя атлетической фигуры Быкова ни на пляже, ни среди играющих в футбол, она расстроилась. Ей даже показалось, что у Быкова кончилась путевка и он улетел в Москву. На третий день после завтрака Джемма, повертевшись среди отдыхающих, узнала, что среди болельщиков шахматного турнира есть люди, возмущенные поведением одного из партнеров. Все намеки указывали на Быкова.

Санаторий этот был специальный, и отдыхающих приезжало определенное количество. Поэтому новая группа уже в первые дни организовывала свою тусовку, в которой негласно придерживалась пушкинского правила: «С тобой тасуюсь без чинов». Вскоре имя Быкова, жульнически выигравшего турнир, стало притчей во языцех. Джемма разнюхала и то, как Быкову удалось выиграть последнюю партию. Прошел слух, что в этом участвовали Анна и Эдик.

Джемма ринулась к Эдику и под большим секретом узнала, что они с Анной все предприняли, чтобы подсказать Быкову решающий ход. Спустившись к морю и опять не найдя среди отдыхающих Бориса, Джемма, стора от любопытства, направилась в номер Анны.

Когда Анна открыла дверь, резкий порыв ветра хлопнул балконной дверью и сорвал с веревки большое, намоченное водой полотенце, служившее препятствием горячему воздуху. Анна была раздета. Ее плечи и грудь прикрывала лишь простыня. Обернувшись на хлопок, она прошла на балкон, подперла табуреткой балконную дверь и только потом предложила подружке на выбор сока или вина.

Джемма многие годы, пока не развелась, жила с пьющим актером, когда-то снимавшимся с ней в одном фильме, оттого к алкоголю относилась сдержанно. Но, видя Анну в расстроенных чувствах, решила, что вино в этом случае подходит больше. Остатки сладкой дыни вполне подошли к сухому вину. Выпив, Джемма неторопливо ела ломтик дыни, попутно выкладывая Анне последние новости. Сплетню о нечестной игре Быкова она придержалась, предполагая, что закадычная подружка сама прокомментирует случившееся. Анна доверяла Джемме, хотя между ними в театре была скрытая конкуренция, особенно во время выпуска спектакля по стихам и рассказам Агнии Барто. Джемма в этом спектакле получила намного больше стихотворного материала и практически была в главной роли. Анна играла лишь два эпизода; хотя они и не были проходными, критики обошли их своим вниманием, а значит, и ее — Анну. Зато участие в спектакле Джеммы было отмечено и в прессе, и в журнале «Театральная жизнь».

Тем временем вино и жара расслабили обеих женщин. Когда Анна пошла в ванную комнату намочить холодной водой полотенце, Джемма заметила на спине подружки красноватый след — стертая кожа на позвоночнике.

— Аня, — воскликнула Джемма, когда подружка, вернувшись из ванной, поспешила прикрыть спину полотенцем, — что у тебя на спине?

Сильное смущение и краска на лице выдали Анну с головой.

— Анютка, это что, следы любви «фронтальной

подруги»? — с насмешкой и с нескрываемой завистью спросила Джемма.

Аня еще больше покраснела и не ответила.

— Ты мне скажи честно, Аня, Быков и впрямь оправдывает свою фамилию? Это ж надо как он тебя уездил. Ну-ну, расскажи, как это было? Хорошо он в постели или невысказанно хорош?

Наконец Анна пришла в себя и, не вдаваясь в подробности, рассказала о том, что произошло после турнира.

Джемма намекнула, что она кое-что узнала от Эдика. После этих слов и Анна не стала скрывать: рассказала, как Эдик, шахматист первого разряда, на её груди написал помадой решающий ход конем на «f-6».

— Милая моя, да я вижу, что ты влюбилась! — воскликнула Джемма.

Анна не стала отнекиваться, и тяжелые слезы покатались у нее из глаз. Подруга прижала её к себе и стала расспрашивать:

— Скажи, как это все началось? Ты же все время была у нас на глазах!

— Очень просто: помнишь, на море, когда он вышел из воды и мы все набросились на него?

— Да-да, припоминаю, ты еще поцеловала его при всех.

— Да, вот с этого все и началось.

— Ты сумасшедшая! Тебе хватило одного поцелуя, чтобы влюбиться?

— Хватило. Это было мгновенное сумасшествие. Я сразу поняла, что он будет моим любовником. А еще от него так пахло... Нет-нет, не лосьоном... плотью... Со Снидовичем целовалась как с помидором, а тут... У меня ни с кем не было три месяца...

— Скажи честно, Аня, он что, лучше твоего Снидовича? — торопливо выясняла детали любопытная Джемма.

— Снидович — подкаблучник, — сквозь слезы призналась Анна, — его постоянно приходилось вести за руку. С **Быковым всё другое: он, конечно, «всадник без головы»**, но при этом он — конь. Конь f-6, — добавила она с грустной иронией. С ним попадаешь в рабство, и, зная, что ты попала, он ведет себя как хозяин.

— Капризный хозяин, самоуверенный! — гневно воскликнула Джемма. — Ему сделали услугу, а он обиделся, когда ему об этом напомнили.

Анна махнула рукой и краем простыни стала утирать слезы.

— Подожди, не реви, — успокаивала Джемма подругу, — все еще обойдется, — допив вино, она с каким-то усердием вновь принялась ругать Быкова: — Какой нахал! Уездил бабу так, что полспины человеку снесло, а тут еще и обиделся. Нет, я никак не могу понять, с чего такая обидчивость?

— Тут совсем другое дело, — с горечью объясняла Анна. — Я его самолюбие задела. Такие мужики не любят проигрывать, а я напомнила о подсказке. Он по своей природе победитель, а я, дура, уколола его в большое место, вот он и вскопчил как ужаленный.

Выяснив детали случившегося в номере Анны, Джемма предложила себя в качестве переговорщика. Сказала подруге напоследок уже на пороге:

— Не волнуйся, я сегодня же его найду и прощщу мозги.

Анна начала сомневаться, но Джемма, назвав себя лучшим специалистом по таким вопросам, убежала из номера.

Бедра — несчастье, а переживая его, человек испытывает горе. Причиной душевных страданий может быть всё что угодно: утрата близких, катастрофы, болезни, крупный проигрыш в карты. Но чтобы ни к чему не обязывающий турнир, даже выигранный с подсказкой, мог стать бедой — вот в это трудно поверить. Однако небольшой санаторий не на шутку всполошился, когда отдыхающие узнали, что Быков выиграл нечестно. Всем было обидно за известного режиссера и актера, все сожалели, что выкуп обошелся дорого. Цены в приморском ресторане были заоблачные, а кое-кто из «сочувствующих» даже подумывал, как уязвить нечестного соперника.

До Быкова эти пересуды доходили в последнюю очередь. Первым звонком был острый разговор с одним старичком, представившимся Леоном Моисеевичем Даевским, учеником критика Маркова. В конце обеда старичок, больше похожий на старушку из-за парика, который он носил, подсел к столу, где в одиночестве сидел Быков, и стал экзаменовать его по части театральной культуры. После наводящих вопросов — мол, видел ли молодой чело-

век классические спектакли МХАТа, о которых превосходно писал Марков? — Быков вышел из себя. В таких случаях он никогда не испытывал почтения к возрасту и шел напролом. Почти без пауз он задал встречный вопрос:

— А вы знаете такого немецкого химика-органика Отто Валлаха?

— Откуда? — удивился старичок. — Это область конкретных знаний.

— Тогда позвольте сообщить, уважаемый Леон Моисеевич, что Валлах был химиком-органиком, открыл несколько реакций получения гетероциклических соединений и красителей. В знак признания его достижений в области развития органической химии и химической промышленности, а также за то, что он первым осуществил работу в области алициклических соединений, ему в 1910 году было присвоено звание лауреата Нобелевской премии по химии. А вы знаете, что это такое — алициклические соединения?

Озадаченный критик, не ожидая такой гневной реакции Быкова, в первый момент растерялся и пожал плечами.

— Я со школьной скамьи восхищаюсь этим химиком. А его открытие считаю гениальным. Вы только подумайте, Леон Моисеевич, им были открыты органические соединения, характеризующиеся циклическим строением молекулы с цепями, образованными из углеродных атомов. Кстати, от алициклических соединений следует отличать гетероциклические соединения, у которых в построении циклического ядра могут, кроме углерода, участвовать и другие элементы. Первые называются нафтенами или циклопарафинами и имеют общую формулу C_nH_{2n} .

Выпалив все это, Быков как ни в чем не бывало уставился на театрального критика холодным взглядом. Возникла тяжелая пауза.

— Послушайте, молодой человек, — вдруг заговорил критик разгневанным тоном, — как вы сюда попали? Здесь же артистический санаторий! А вы, как я вижу, из другой области. И общаетесь невежливо, даже ругаетесь какими-то «химическими формулировками».

— Я попал сюда по путевке, за которую заплатил деньги. А достала мне эту путевку любовница из одного знаменитого театра.

— А кто вас, молодой человек, научил чётёрствовать?

— А что это такое? — вдруг наивно спросил Быков.

— Что это такое? — торжественно произнес критик. — А то, что стало весьма наказуемо за последнее время, потому что спортивный мир непрерывно лицедеет борьбу против нечестной игры. В атлетических видах спортсменов обычно ловят на допинге, а в играх интеллектуальных существуют свои виды мошенничества. Шахматы страдают от так называемого чётёрства. Чётёрство — от английского «to cheat», то есть «мошенничать». Вы, я вижу, и в этой области поднаторели. Со своими поделниками и любовницами обыграли известного и великодушного режиссера и за его счет повеселились в самом дорогом ресторане на Черном море. Вы, химик, испытываете ли сегодня реакцию всех отдыхающих санатория на вашу беспредельную наглость и самоутверждение? Оказывается, и в шахматах у вас есть любовница, предоставившая вам ключ к победе.

В первый момент Быков потерял дар речи. Потом в его сознании засвербела мысль: «Кто донес?» Близкие варианты были: Эдик или сама Анна, обидевшаяся на него и исчезнувшая с горизонта. А если это были люди из массовки, заметившие Анну с написанным ходом «f-6»?

От накотившего волнения Быкову не пришлось в голову ничего лучше, кроме как спросить:

— Что вы предлагаете?

— Что я предлагаю? — нервным фальцетом продолжил критик. — Во-первых, извиниться «на миру», потому что задета честь уважаемого человека. Во-вторых, вернуть истраченные на вас деньги, и, в-третьих, я бы на вашем месте без промедления уехал восвояси. Вы на секунду можете себе представить, если бы такой поступок был совершен во времена Пушкина или Лермонтова? Вас тотчас вызвали бы на дуэль, и ни один человек не пожалел бы об убитом мошеннике.

На последних словах Быков вскочил и пошел на выход. Ему послышался вслед ехидный смех, но старичок молчал, это смеялось воспаленное сознание Быкова.

Борис бежал из столовой, словно за ним по пятам гнался не старичок, а похожая на него

графиня из «Пиковой дамы» с требованиями извинений. Сообразив, что на пляже после такого разговора появляться нельзя, он решил вернуться в номер и позаниматься.

Мысли о поступлении когда-нибудь в ГИТИС на режиссерский факультет Быкова не покидали. После преждевременной смерти матери он продал дом в Матвеевке, переехал в комнату общежития НИИ биоорганической химии и ждал, когда сдадут кооперативный дом на «Ждановской». Деньги с продажи дома и уплаты за кооператив «Элемент» у него еще оставались, и он мог позволить себе поискать призвание на другом поприще. Химия ему осточертела, просиживать задницу в лаборатории надоело, быть всё время у кого-то в подчинении Борису стало не по нутру. Недаром его любимой присказкой стало шутивное: «Для большинства людей «взвешенный подход» предполагает ясность, и только у химиков это означает муть». Быков рвался к свободе, и командный режиссерский пункт казался ему тем местом, где он станет известным.

В номере его ждала подаренная Анной книга, в которой автор, сам выпускник ГИТИСа, рассказывал, как стал режиссером после долгой работы физиком. Пример казался ему подходящим, и Быков не терял надежды осуществить свои планы.

Проходя мимо злополучного места — террасы, где стоял шахматный стол, — Быков неожиданно увидел Владислава Ш., играющего с той ехидной шахматной «профессоршей» из Дома отдыха. Вспомнив, что она болтала во время танцев, Быкову вкрасась мысль, не она ли, «очкастая кобра», сболтнула мхатовцу о подсанном ходе. Приглядевшись повнимательнее и заметив, что партнеры не только играют, но как-то подозрительно шушукуются, Быков решил проверить свои подозрения.

Незаметно выйдя за ворота санатория, он заглянул в торговый павильон, купил конфет и три стограммовые бутылочки коньяку. Вложив стограммовки, как патронташ, в нагрудный карман, он стал поджидать «профессоршу» у павильона. Минут через тридцать Гера с горящими глазами появилась на дорожке. Быков метнулся ко входной двери павильона и,

сделав вид, что выходит с покупками, пошел навстречу шахматистке.

— Ой! — воскликнула она, словно споткнувшись. — Это вы?!

— Я, — торжественно изрек Быков и улыбнулся одной из тех улыбок, которые недвусмысленно выражали определенные намерения. — А вы что делаете здесь? Искали меня в санатории?

— Нет, не искала, — слишком быстро ответила она.

— Коварная Гера! Вы искали другого? — наступал Быков, приводя девушку в замешательство. — А я думал о вас.

— Как? — спросила она, словно готовясь стать натурщицей на сеансе живописи.

— Я хотел снова появиться у вас в Доме отдыха и получить дополнительную консультацию по шахматам. Впрочем, не только консультацию.

Быков приподнял «головки» коньяка в своем нагрудном кармане и улыбнулся добродушно-хитрой улыбкой.

— Вы уже обедали? — деловито спросил он.

— Да, я обедала и обещала моей соседке по номеру погулять.

— А если я один заменю вам всех соседок и приглашу вас на прогулку, вы не откажете?

— С удовольствием. Тем более моя приятельница — страшно ленивая особа, собирается на прогулку по полчаса.

Они пошли в сторону Дома отдыха, потом свернули к парку.

— А что, собственно, Герочка, вы делали в нашем санатории?

— Честно, искала вас, чтобы извиниться. Я в тот вечер наговорила лишнего и, кажется, обидела вас.

— Вы действительно наговорили много неприятного. Но я не обиделся. Тем более вы правы, была подсказка, и я ею воспользовался. Хотя моя позиция была не так уж и плоха.

— Если бы не этот ход, вы бы проиграли. Но вам повезло, ваш противник после хода конем мог еще играть на ничью. Владислав Ш. сделал неверный ход слоном, и вы этим воспользовались.

— Вы сказали, Владислав Ш.? Вы с ним знакомы? — насторожился Быков.

— Нет, когда я искала вас, наткнулась на вашего противника. Мы разговорились, и я предложила ему разобрать вашу партию.

— И что? — выдохнул Быков.

— Да ничего! Дошли до хода «f-6», и я ему показала, как можно было сыграть на ничью.

— И больше ничего? — строго спросил Быков.

— Больше ничего, — с удивлением ответила она. — Вы хотите узнать, сказала ли я ему, что видела подсказку вашей подруги? Нет, не сказала. Вообще, она мне очень понравилась. У вас есть вкус.

— А мой противник не вознамерился за вами ухаживать?

— С чего бы? Я не давала повода. Мы просто играли. Кстати, он ни словом не обмолвился о вас. Про подсказку он ничего не знает.

— А почему вы спросили про ухаживание? — сверкнув глазами, спросила Гера.

Настроение Быкова пошло в гору, его понесло.

— Тот наш разговор в ресторане запал мне в душу. Мне кажется, что, преодолевая трудности общими усилиями, дистанция между людьми сокращается, тем самым они сближаются.

— К чему вы это говорите? — в ее голосе звучало недоверие.

— К тому, чтобы общими усилиями сблизить наши позиции. Вот, угощайтесь. — Быков протянул конфету и спросил: — С вами в ресторане был молодой человек. Это ваш жених?

— Что вы! Никакого жениха у меня нет. Это просто человек, с которым я дважды сыграла в шахматы.

Они вошли в парк и двинулись вглубь по длинной аллее, ведущей к беседкам и к скамейкам вдоль дороги. Кое-где сидели отдыхающие, но в целом парк был пуст. В это солнечное время все предпочитали находиться на море. Наконец в самом конце парка, в тихом и безлюдном месте Быков облюбовал одну неширокую скамейку, одним углом клюнувшую в землю. «Поизносились скамеечка от свиданий», — мелькнуло у Быкова в голове. Они присели. Вокруг никого не было, только маленькая пересмешка что-то клевала в старенькой подвешенной кормушке. Быков по-мальчишески заложил пальцы в рот и свистнул. Пересмешка тут же улетела. Он еще раз оглянулся — вокруг

была тишина. Тогда Борис, как фокусник, достал из грудного кармана стограммовку коньяка и предложил девушке выпить.

— Нет, я такие крепкие напитки боюсь, — искренне призналась она.

— Шахматисты разве не пьют? — спросил он.

— Слышала, что Таль любит выпить, но на его игру это не влияет.

— Ну что ж, тогда я буду пить один, — заявил Быков и сильным движением сорвал колпачок с малюсенькой бутылки. — За наше знакомство и, надеюсь, дружбу, — воскликнул он и сделал глоток.

— Ну, если за дружбу, тогда выпью и я, — Гера отпила глоток, закусив конфетой и, сняв очки, близорукими глазами уставилась на него.

Зрачки ее расширились, потом стали натекать сосуды, взгляд словно запыхал. Быков рассмотрел её губы — растянутые и влажные, заметил так и неразвившуюся грудь, чуть выпуклую, но округлую. Гера потянулась к нему, предполагая, что он хочет её поцеловать, но Быков открыл новую стограммовку, аккуратно вставил горлышко ей в рот и маленькими глотками стал её поить. Она прижалась к нему и, подчинившись, все больше пьянела. Тогда он кусающим поцелуем вобрал её губы и долго держал во рту, ее ладонь уже шарил по его бедрам. Когда вдалеке появилась еще одна парочка, направляющаяся к их скамейке, Гера решительно сказала:

— Пойдем ко мне! Я попрошу соседку погулять.

В её номере оказалась средних лет женщина, которая после короткого разговора вышла. Гера торопливо взяла большое полотенце, скинула с себя одежду, обнажив худое и немогущее тело, и побежала в ванную.

И вдруг Быков вспомнил Анну. Ему показалось, что это она ушла в ту секунду. Вспомнил, потому что все происходящее сейчас было похоже на то, что он пережил совсем недавно. Но тогда, с Анной, была страсть, влюбленность, а здесь что-то бессмысленное и непристойное. «Неужели ты готов на это, только чтобы она тебя не выдала? — спросил он себя. — Ты же, Быков, даже не знаешь о ней ничего, кроме того, что она хорошо играет в шахматы. У тебя ведь только что была женщина, которая

тебя, идиота, не только полюбила, но и рисковала не меньше твоего?» И он устыдился себя. В ту же секунду Быков встал, прислушался, как шумит в ванной душ, и, выглянув за дверь номера, быстро вышел.

Дойдя до своего санатория, он направился к гостиничному корпусу. Неподалеку от входа он заметил сидевшую на скамейке Джемму, та что-то читала. Борис подсел к ней. Посмотрев, что читает актриса, он с удивлением отметил.

— Ага, «Театральная жизнь». Это что, главная сплетница кто с кем... «отдыхает»?

— Не только. Есть рецензии на спектакли. Вот тут небольшая статья о нашем спектакле по стихам Барто.

— Кого хвалят?

— Меня, — буднично ответила Джемма.

— А Аня участвует в этом спектакле?

— Участвует. У нас даже есть общие сцены.

— А куда она, кстати, пропала? — с какой-то отстранённой интонацией спросил он. — На пляже её нет, в баре тоже... Уехала в город за покупками?

— Какие же вы, мужики, все-таки испорченные! И глупые! — в один присест завелась Джемма. — Повертелся около девушки, наговорил ей разных комплиментов, и вдруг унесло ветром, исчез с горизонта. «Уехала в город за покупками»? — скопировала она его интонацию. — Ну и ну! Разве это не ваш стиль, молодой Адонис?

От Быкова не укрылось, что Джемма, застываясь за подругу, старалась и сама выглядеть привлекательной.

— Адонис — что за зверь такой?

— Адонис не зверь. Это любовник богини Афродиты в греческой мифологии. Был пастухом и охотником, — отчеканила она.

— Охотником? Как интересно! И на кого он охотился?

— На зайцев.

— Понятно, — ответил Быков.

— Я когда-то в одном телевизионном спектакле играла Орседиду, его сестру, — уже спокойнее пояснила она.

— Простите, Джемма, первый раз слышу про такие греческие тонкости. До сих пор изучал другое.

Возникла короткая пауза, оба молчали и не

могли найти темы для продолжения. Быков начал первым:

— Джемма, давайте о земном. Вы, я вижу, знаете, что с Анной? Куда она исчезла?

Джемма быстро развернулась к Быкову и, пожав плечами, выпалила:

— А вы сами не догадываетесь? Вам надо всё разжевать, разложить по полочкам?

— Не догадываюсь, хотя могу представить такую ситуацию, что девушка может расстроиться или даже обидеться.

— Должна для повышения вашего образовательного ценза напомнить, что женщина — произведение тонкое, влюбчивое. Конечно, не все женщины могут нравиться, дело тут индивидуальное. Но вам, молодой человек, не мешало бы знать, что женщина расцветает с определенным мужчиной! И главное, запомните на всю оставшуюся жизнь: вести себя с каждой женщиной следует по-мужски, то есть достойно!

Быстрая победа над Герой еще кружила голову Быкову, и он, чувствуя скрытую симпатию Джеммы, подсел ближе и примирительно заворковал.

— Я подозреваю, Джемма, что вы не отказались бы узнать о предпочтениях молодого Адониса?

— Борис, я не студентка театрального института, чтобы со мной вести разговор в таком тоне. Ваши предпочтения я уже заметила.

— И каких же женщин я предпочитаю? — не унимался он.

— Вы считаете, что на этот вопрос должна отвечать я?

— Нет, конечно, это должен делать мужчина.

Джемма развернулась в кинематографический труакар, пронзила его тем взглядом, который в свое время сразил режиссера, который назначил её на главную роль в фильме, принесшем ей популярность, и, заново приглядевшись к Быкову, выдала ему лекторским тоном:

— Такие мужчины, как вы, Борис, предпочитают, чтобы барышни в постели брали инициативу в свои руки. Неважно, блондинка или брюнетка. Если женщина раскрепощенная и активная, вы сходите с ума от удовольствия и готовы в 90% случаев продлить отношения. Разве не так?

Быков не был готов к такому разговору с малознакомой дамой и в первый момент растерялся, но через секунду быстро пришел в себя и заговорил более уверенно.

— У вас получилась какая-то усредненная женщина. На мой не очень опытный взгляд, у женщины должны быть одновременно несколько важнейших начал: сексуальное и неприступное, порочное и невинное, прекрасное и ужасное, притягивающее и отталкивающее. В общем, если честно, я люблю, когда сочетаются противоположности, которые делают женщину еще прекраснее.

— Так ведь всё это есть в нашей Анне, — воскликнула она, словно сделав открытие. — Или что, поматросили и бросили? — выпалила она и отвернулась от Быкова.

Быков совсем не ожидал такого приговора. Раньше такие сентенции о женщинах проходили у него «на ура». Он растерялся. «Хотел пошутить, пофлиртовать, — подумал он, — и такой поворот». И вдруг вспомнил: Джемма — возлюбленная Артура из романа «Овод», участница революционного движения. Так вот откуда у нее эти замашки: говорит как профессор; при этом и чувства, и страсть! «Синие чулки» бывают обыкновенно уродинами, а эта и красавица, и образованна. Нет, она меня просто в тупик поставила. А может, она в меня тайно влюблена и боится признаться? Стыдно перед подругой? Он быстро стал обдумывать появившееся предположение, как в этот момент из гостиничного корпуса вышла Анна. Она была в халате и в темных очках. Заметив их, она помахала им рукой и направилась в сторону пляжа. Зная, что ей смотрят в спину, Анна шла собранно, грациозно, как по подиуму.

— А вы не хотите пойти на пляж? — неожиданно спросила Джемма. — А то я собиралась, но присела, чтобы посмотреть журнал.

Она положила журнал в пляжную сумку и строго посмотрела на Быкова. Под этим уверенным взглядом Быков забыл обо всех своих проблемах, подхватил Джемму под руку, и они бросились догонять Анну. Вскоре они пошли вместе. Женщины о чем-то шушукались, а Быков думал, как же она, эта Анна, хорошо выглядит, сколько в ней грации и чувственности.

Местные мастера продавали свои произведе-

ния, стремясь завлечь курортников. Проходя эту «выставочную галерею», Быков отстал от своих спутниц. Его внимание привлек небольшой натюрморт: в вазе красовались три бордовые розы. Он поинтересовался у продавца о стоимости, достал деньги. Покупку попросил завернуть в нарядную бумагу как подарок.

Вскоре Быков догнал своих барышень. Вместе свернув в четвертую секцию пляжа, они устроились рядом. Женщины разложили пледы, взятые из номера, а он пристроился сбоку и ждал, когда можно будет вручить подарок Анне.

Когда Джемма пошла переодеваться, Анна скинула халат, и Быков заметил у нее на спине большой пластырь телесного цвета. Ему стало стыдно: он догадался, что скрыто под ним. Развернув натюрморт, он молча протянул его Анне.

— Это что? — тихо спросила она.

— Подарок, — так же тихо ответил он и быстро поцеловал её в щеку. — Прости, я больше так не буду.

— Что не будешь? — переспросила она.

— Не буду исчезать, не сказав, как я к тебе отношусь.

— И как же?

— Вот так! Он схватил свободную часть пледа, закрыл себя и Анну и стал целовать её. В этот момент некстати появившаяся Джемма язвительно заметила:

— Милые бранятся — только тешатся, — заметив подарок, добавила: — Вот это другое дело, — и устроилась на своём плече.

Быков достал из кармана оставшуюся стограммовку, повертел перед носом Анны бутылочкой, предлагая выпить, но, получив отрицательный ответ, стал пригубливать коньяк, поглядывая по сторонам. Неожиданно к нему подошел восточного типа мужчина и пригласил в их компанию поиграть в волейбол. Быков допил коньяк, бодро вскочил на ноги и пошел вслед за кавказцем.

Трудно было понять, откуда появилась эта компания, вход с левой стороны пляжа санатория был открыт. И Быков сразу почувствовал по отношению к себе какое-то напряжение, идущее со стороны игроков. Мяч исправно летал в разные руки, но именно в его сторону би-

ли сильнее. Кавказцы нет-нет и что-то едкое отпускали на его счет. Вдруг один из них на русском языке крикнул:

— Слушай, красавчик, почему у тебя такие дырявые руки? Что, не умеешь играть в волейбол?

Слово «почему», произнесённое на кавказский манер, вывело Быкова из себя.

— Я играю правильно, — резко ответил он, — а вы лупите по мячу в мою сторону специально. Успокойтесь, играйте по-человечески, а не с кавказским акцентом.

Быков ответил незлобно, но шутка про кавказский акцент взбесила всех игравших. Тот, кто брякнул про дырявые руки, ринулся к Быкову с криком:

— Что, тебе не нравится мой акцент? А мне не нравится твоя нахальная морда!

— За «нахальную морду» можно и ответить, — угрожающе огрызнулся Быков и увернулся от удара, который нанес стоявший ближе к нему грузин.

Не раздумывая, Борис ответил и попал противнику в нос. Кровь брызнула на усы нападавшего. Увидев это, кавказцы превратились в коудлу бандитов. Они набросились на Быкова, который с трудом изворачивался от ударов, держа нападающих на расстоянии.

Откуда ни возьмись появилась разгневанная, как фурия, Анна.

— Ах вы, скоты, — закричала она, — втроем на одного!

Она подскочила к зачинщику драки и ударила его между ног. Тот завопил как резанный. Все усталились на отчаянную женщину, а та, воспользовавшись возникшим переполохом, налетела на двух других.

Одному попала в глаз, и тот, отскочив в сторону, закричал по-грузински:

— П'исо, садаури хар? — Он прыгал на одной ноге, тёр мгновенно воспалившийся глаз и все время повторял: — П'исо, садаури хар?

Побитые женщиной грузины так растерялись, что не успели прийти в себя и отреагировать. Тем временем Анна цепко схватила Быкова за руку и молча потащила его в ту сторону, где осталась Джемма. Там она быстро скрутила свой плед, взяла сумку и, по-прежнему держа Быкова за запястье, скомандовала:

— Джемма, держи оборону! О нас ни слова!
Повернувшись к Быкову, приказала:

— За мной! К лифту! Бежим, иначе они опомнятся и убьют нас.

Бежать по гальке было неудобно, ноги то и дело подворачивались. Оказавшись на площадке рядом с лифтом и убедившись, что кавказцы отстали, беглецы вошли в кабину и поднялись наверх.

В гостиничном корпусе не потерявшая смелки Анна спросила у дежурной ключ от номера Джеммы и предложила Быкову укрыться у подруги. Джемма прибежала минут через десять. Волнуясь и сбиваясь, она рассказала, что кавказцы требовали от неё сведений, что за люди на них напали.

— Я их послала! Сказала, что вас не знаю и впервые видела. Ребята, ситуация очень плохая. Предлагаю немедленно позвонить в милицию.

Быков отказался от такого плана. Ему было стыдно устраивать разбирательство, не зная, кто организовал этот конфликт.

— А может, это случайно вышло? — предположила Джемма. — Народ горячий, дикий. У них такое из-за ерунды может выйти!

— Грузины — дикий народ?! — воскликнула Анна. — Не верю!

— А ты что, видела их паспорта? — горячилась Джемма. — А если они чеченцы или ингуши, или дагестанцы? — продолжала она. — Много ли им надо: не понравилась физиономия Быкова... Мало ли конфликтов у этих восточных мужиков из-за баб и всяких мелочей. У них «дружба народов» на словах, а тронь — сразу кричат «зарезу», — и она принялась вспоминать разные случаи.

Глядевший в окно Быков прервал её:

— Вот они!

Обе женщины бросились к шторе.

Внизу, на большой площадке перед гостиничным корпусом слонялись их старые знакомые, они приставали к прохожим с расспросами. Видно было, что они описывают внешность Быкова и Анны, но никто из отдыхающих долго с ними не задерживался — время шло к полднику.

Наконец один из тех, кто первым затеял конфликт, указал рукой в другую сторону, и

они, горячо споря, пошли в направлении аллеи, ведущей к ресторану.

Быков продолжал из окна наблюдать за обстановкой внизу. У корпуса гостиницы он увидел критика Леона Даевского, тот шел следом за кавказцами. Быков вспомнил о неприятном утреннем разговоре с ним и его совет немедленно уехать.

А что, если случившееся на пляже — организованная месть за проигранный турнир? Борис озвучил догадку женщинам, но имя предполагаемого злоумышленника намеренно не назвал.

Предположение о мести выглядело театрально, но женщины задумались.

Первой ответила Джемма:

— Нет, этого не может быть! Для Владислава Ш. это очень мелко. Он известный человек, его уважают во МХАТе, вряд ли он будет заниматься организацией нападения на человека, которому проиграл в шахматы. Это не чемпионат мира или какой-нибудь международный турнир, чтобы мстить человеку, выигравшему по подсказке.

Быков вздрогнул, услышав от Джеммы о подсказке. Он воззрился на Анну и по испуганным глазам понял: она всё рассказала подруге. Обе женщины смутились, но Джемма взяла огонь на себя.

— Боря, нечего на неё так смотреть. Вы бы видели, в каком состоянии она была после вчерашнего. Ваш уход ее очень расстроил. И потом я вырвала у нее это признание. Мы близкие подруги и всегда делимся самыми сокровенными тайнами, — она сделала паузу, внимательно посмотрела в глаза Быкову и продолжила: — Можете мне поверить, я никому ничего не говорила. А вот рассказ о критике Даевском, известном старом развратнике и отвратительном человеке, наводит на мысль, что это вполне может идти от него. А что, Владислав Ш. — красивый мужик, вполне мог понравиться этому Даевскому. Когда старый интриган узнал, что его любимчик обижен, то не исключено, что мог устроить эту вендетту.

— Борис, — заговорила прежде молчавшая Анна, — мне кажется, тебе надо уезжать в Москву. И как можно скорее.

— Но у меня еще неделя отдыха! — возмутился Быков.

— Дело не в отдыхе, — осадил его Анна. — Судя по всему, они тебе и мне этот отпуск испортят. Но я думаю о другом.

— О чем? — с нетерпением встряла Джемма.

— Борис, в ресторане ты говорил, что хочешь поступить в ГИТИС. Если ты сегодня или в крайнем случае завтра полетишь в Москву, то у тебя есть достаточно времени к тридцатому июня сдать документы в приемную комиссию и поступить. Здесь ты будешь весь на нервах, нормального отдыха больше не будет, придется оглядываться на каждом шагу. А там все будет иначе. Всё забудется, и я уверена, что ты поступишь. — Анна посмотрела на Джемму и добавила с энтузиазмом: — Если бы ты знал, Боренька, как нам нужны хорошие театральные режиссеры! Правда, Джемма?

Та поняла, что от нее требуется, и поддержала подругу, но с одной поправкой:

— Уезжать вам надо вместе. Иначе они тебя найдут, Аня. Ты думаешь, они не будут тебе мстить? Ага, как же! — Анна молчала, в глубине души понимая, что подруга права. Быков напрягся. Джемма воспользовалась паузой в разговоре и продолжила: — Первое: предлагаю вам из этого номера не выходить. Второе: я проберусь в ваши комнаты, соберу вещи. А поздно вечером поедете в аэропорт, предварительно взяв билеты на самолет, — не дожидаясь согласия, Джемма распорядилась: — Прямо сейчас звоните в аэропорт, а я — на «баррикады», соберу вещи к отъезду. Ключи от номеров где?

— На ресепшене, — в один голос ответили Борис и Анна.

К вечеру упертые кавказцы разбились на две группы: одна караулила ненавистную парочку у главного входа в корпус, другая — дежурила около ресторана. Но Анна и Борис там не появились. Джемма заказала такси, чужие люди по её просьбе забрали в обоих номерах чемоданы и, когда машина подъехала, отнесли их в такси. Повариха провела Бориса и Анну через кухню и выпустила из гостиницы через служебный ход. В этот же день поздно вечером они улетели в Москву.

Во Внуково прилетели через два часа тридцать минут. Долго искали подходящий транспорт до Москвы. Таксисты драли нещадно. Быков выложил за два авиабилета шестьдесят два рубля, а у Анны после вечернего перекуса в буфете аэропорта «Сочи» оставались небольшие карманные деньги. Наконец им удалось просочиться в автобус с делегацией, прилетевшей с Кубы. Быков прилично владел английским и при входе, обменявшись в сутолоке с сопровождающим делегацию «службистом» английскими приветствиями, вместе с Анной проник внутрь. Устроились на последних рядах, надели темные очки и затаились, пока автобус не тронулся.

Рейс сопровождала экскурсовод, модно одетая и вежливая женщина, которая представилась на испанском:

— Buenos dias! Mi nombre es Larisa, soy de Moskva.

Из сказанного Борис и Анна поняли только, что гида зовут Лариса и название города, конечно. Им и того было предостаточно — главное, добраться домой.

А Ларисе сразу посыпались всевозможные вопросы. Она собрала их в общую картину и, не торопясь, на уверенном испанском стала рассказывать о жизни в СССР:

— Товарищи, дорогие гости, сегодня наша страна живет в самое стабильное время в СССР. Почему я так начинаю свой рассказ? Потому что главным критерием оценки общества, как вы знаете, является экономика. Наши показатели красноречивы: цены почти не меняются, дефицит снизился, и хоть приобрести многие товары проблематично, но вполне возможно.

— А есть у вас какие-то трудности? — полетел вопрос от мужчины, сидевшего в середине салона в желтой ковбойской шляпе.

— Какие трудности? — переспросила экскурсовод.

— Бытовые или связанные с питанием, продуктами? — уточнил мужчина.

— Есть, конечно. Ну, положим, не всегда можно раздобыть мебельный гарнитур высокого класса.

Про гарнитур кубинцы сразу не поняли. Тогда переводчица, попутно включая коммента-

рии на русском, внесла коррективы. Наконец все поняли, что речь о комплекте мебели, и она опять перешла исключительно на испанский.

— Но наши люди приспосабливаются, не пакиуют и, отстояв недолго в очереди, все-таки такой гарнитур приобретают. Конечно, есть кое-какой дефицит перед Новым годом: шампанское, шоколадные конфеты, шпроты... Есть проблемы с приобретением автомобиля, но в целом товары первой необходимости доступны каждому гражданину нашей страны.

— А какая у вас средняя зарплата? — спросил пожилой кубинец с большой сумкой на коленях.

— Средняя зарплата — 140 рублей.

В салоне кто-то засмеялся, стали перешептываться, прикидывая, сколько это на их деньги или даже доллары.

— Напрасно смеетесь, товарищи, — повысила голос Лариса, — этих денег хватает не только на продукты, но и на сбережения, которые у нас, кстати, многими помещаются на сберкнижку. Но есть у нас и нечто новое, чем можно гордиться.

Салон оживился, даже задремавшие было стали прислушиваться.

— У нас появился советский средний класс, представляющий собой наиболее успешных работников науки, культуры и спорта, директоров предприятий, чиновников. Этот класс не буржуазный, он живет по всем законам социалистического общества, но имеет собственные автомобили, регулярно может посещать санатории, а небольшие квартиры в престижных районах у них обставлены качественной мебелью.

— А какая разница между доходами разных слоёв населения? — спросила красивая мулатка в желтом платье-сафари, сидевшая неподалеку от Анны и Бориса.

— Разница почти отсутствует, — с гордостью отозвалась сопровождающая. — У нас не существует такое явление как бедность.

Об этой информации присутствующие в салоне стали почему-то очень активно спорить.

— А кто у вас считается богатым? — спросил молодой парень с первого ряда.

— Богатыми считаются те, кто получает в пять-десять раз больше среднего.

— А какой у вас официальный курс доллара и сколько стоит хлеб? — опять спросил неугомонный молодой человек.

— Доллар у нас стоит девяносто копеек, а хлеб двадцать две-двадцать пять копеек — белый, пятнадцать-семнадцать копеек — ржаной, — с интонацией отличницы сказала Лариса.

— Простите, эм, у меня один личный вопрос, — с поднятой рукой обратился средних лет мужчина приятной наружности. — Можно?

— Давайте, спрашивайте, — улыбнулась экскурсовод и из-под очков уставилась на пассажира.

— Мне сорок два года, мечтаю жениться на русской девушке, но я читал, что в Советском Союзе нет секса. Это правда?

В ответ раздался всеобщий хохот, и присутствующие уставились на экскурсовода.

— Нет, это неправда, — с улыбкой парировала сопровождающая. — В нашей стране, молодой человек, секс есть. Иначе не было бы в каждой семье по два-четыре ребенка. Детей все-таки приносят не аисты. У нас очень красивые женщины, поэтому выбор у вас будет широкий. Желаю вам успеха и осуществления вашей мечты.

Кубинец зааплодировал и поблагодарил экскурсовода. Весь салон поддержал его аплодисментами.

Лариса, тоже поблагодарив кубинцев за внимание, достала из сумки стопку книжечек.

— А теперь для вашего удобства я раздам вам специальную брошюру на испанском языке для гостей нашей столицы, — Лариса пошла по салону, вручая каждому по одной.

— Оказывается, я средний класс, — шепнул Борис Анне.

— Да ну, но ведь ты живешь в общежитии.

— Я перед отпуском купил квартиру в кооперативе на «Ждановской». Правда, я до сих пор не знаю номер и этаж.

— Это почему? — удивилась Анна.

— Не было жеребьевки. На днях надо въезжать. Так что это даже хорошо, что я раньше вернулся. Беда одна. Помнишь, экскурсовод сказала о мебельном гарнитуре? Вот это моя надвигающаяся проблема.

Анна улыбнулась, сказала многозначительно:

— Подожди, у тебя ничего не потеряно. Кроме того, у тебя есть связи...

— Какие это? — озадачился Борис.

Анна указала на себя и пояснила:

— Мы из своей коммуналки переезжаем в двухкомнатную квартиру, поэтому мама заранее договорилась о гарнитуре. У нас это будет не так скоро, а тебе мы уступим, чтобы ты был завидным женихом.

Борис нахмурился:

— Нет уж, вы, пожалуйста, с мамой ни о чем не хлопочите. Так дело не пойдет! В «Кабалу святош» я попасть не хочу.

— Ты знаешь эту пьесу? — шепнула с восхищением Анна.

— Аня, я много знаю, — небрежно заметил Быков. — Я всего Булгакова подпольно прочитал в восемнадцать лет.

— Так ты будешь поступать? Тогда надо действовать. У тебя есть план? — спросила она.

— Есть. Провожу тебя до дома, утром поеду на работу в НИИ. Буду готовить необходимые документы: заявление на имя ректора ГИТИСа, подлинник документа о высшем образовании, копию паспорта, фотографии (три на четыре) — четыре штуки. Видишь, я все помню.

— Молодец! Если поторопишься, то всё успеешь.

Вскоре автобус с делегацией прибыл на автовокзал. Высадившись, они почти сразу перехватили такси и поехали на Таганку.

Прощаясь с Анной около её дома, Борис неожиданно для нее попросил ничего не говорить маме о своих «подвигах».

— То есть вообще ничего? Даже то, что я познакомилась с тобой? — растерялась Анна.

— Нет, об этом сказать надо, но о турнире, драке и кавказцах — ни слова. Во-первых, чтобы она не ругала нас за плохое поведение, а во-вторых, неизвестно, чем всё это закончится. За нас взялись всерьез, и не исключено, что этот конфликт перекочет в Москву. Слышала такую фразу: «Влюбленные женщины должны молчать, не то они будут наказаны стыдом, страданием, укорами совести за измену своей скромности»?

— Отвечаю как в армии: слушаюсь, товарищ командир, — шуточно отчеканила Анна.

Она записала ему телефон. Потом они долго целовались, пока Анна с усилием не оторвалась

от Бориса и, забросив на плечо большую сумку, не скрылась в подъезде деревянного дома, готовившегося под снос.

Наступившая неделя была для Быкова из разряда сумасшедших. Это был турнир достижений: борьба хорошего с лучшим, успеха с провалом. Тем не менее судьба была благосклонна. Он успел собрать документы и сдать их в приемную комиссию ГИТИСа, принял участие в жеребьевке в кооперативе и вытянул однокомнатную квартиру на втором этаже девятиэтажного дома. И, наконец, приехал после звонка на Таганку в гости к Анне.

У Анны с мамой было две комнаты в деревянном доме на первом этаже. В одной жила Татьяна Ивановна — мать Анны, бывшая актриса, женщина лет шестидесяти, в другой — большей — расположилась Анна с годовалой дочерью Дашей.

С порога Быков вручил каждой женщине по букету хризантем, представился и был приглашен в комнату Татьяны Ивановны, где был заранее накрыт стол по случаю знакомства.

При маме Анна вела себя как любящая дочь. Она была учтива, внимательна, не перебивала Татьяну Ивановну.

От Анны Быков уже знал, что у Татьяны Ивановны Тарасовой не сложилась судьба, как у её мхатовской однофамилицы Аллы Тарасовой. Однако её служение в театре тоже было полнокровным и захватывающим. Она еще девчонкой бегала на спектакли МХАТа и особенно МХАТа второго. После закрытия в 1936 году МХАТа второго она совсем юной актрисой с режиссером Павлищевым перешла в театр имени МОСПС, который в 1938 году стал Театром имени Моссовета. А затем вслед за тем же Павлищевым перешла в Театр имени Ленинского комсомола, где многие годы была ведущей актрисой. Но после смерти в 1951 году Павлищева Татьяна Ивановна ушла из театра и занялась воспитанием дочери, работала теперь в концертах Московской филармонии. Как понял Быков, она выступала с чтецкими программами.

На стенах комнаты были развешаны афиши заслуженной артистки РСФСР Татьяны Тарасовой. На одной из афиш была поэма Маяковского «Про это». Быков на волне поступле-

ния в ГИТИС и желая произвести впечатление, поинтересовался, почему выбор исполнительницы остановился на этой затертой еще в школе поэме.

— На моей афише, — с воодушевлением стала рассказывать Татьяна Ивановна, — в первом варианте был портрет Лили Брик, как когда-то в двадцатых в первом издании. Но не разрешили. И Брик не помогла.

— Вы были знакомы с Лилей Брик? — оживился Быков.

— Почему «была»? Лилия Брик жива. Последний раз я с ней беседовала на спектакле Театра на Таганке «Послушайте».

— Да что вы! — воскликнул Быков. — Я знаю этот театр. Видел два спектакля — «Павшие и живые» и — как раз! — «Послушайте».

— «Павшие и живые» не видела, — отозвалась Татьяна Ивановна. — А вот на «Послушайте» была. Аня тогда достала билет, и я сидела неподалеку от Лили Брик, даже говорила с ней после спектакля, пригласила на мою чтецкую программу.

— И она слушала ваше «Про это»?

— Да, и ей понравилось. После концерта мы с ней даже выпили.

— Вот это история! — восхищенно произнес Быков и тотчас спросил: — А как вам «Послушайте»? Вы приняли спектакль? И вообще, о чем он? — с некоторым пафосом задал вопрос будущий режиссер.

— О чем? — Татьяна Ивановна развела руками, подняла глаза к потолку и, словно с кем-то посоветовавшись, уверенно ответила: — Об одиночестве ранимого поэта. Вы упомянули школу. Так вот именно в школе Маяковского изрезали на цитаты и всюду эти цитаты рассыпали. Говоря прямо, великого поэта наши мешчане просто-напросто «застирали».

И в подтверждение своих слов она вдруг чеканно прочитала:

— *Затянет
тинкой зыбей,
слабых
собьет с копыт.
Отбивайся,
крепись,
бей
быт!*

— По моему глубокому убеждению, — неторопливо рассуждала Татьяна Ивановна, — наш советский быт медленно, но верно плывет к мелкобуржуазной жизни. Особенно с этим лозунгом «Догоним и перегоним Америку!». Во-первых, не догоним, а во-вторых, на хрена!

В последние годы наверху расцвела такая буржуазия, что скоро слова Маяковского: «Я хочу быть понятой своей страной, а не буду понятой — что ж, над родной страной пройду стороной, как проходит косой дождь», — станут как мертвому припарка. Беда состоит в том, что настоящие люди стали проходить, как косой дождь. Многие уезжают, другие погрузились в себя и откровенны только на кухне.

— Зато мы, мама, — вклинилась в разговор до сих пор молчавшая Аня, — на своей кухне колхозом живем и не отчаиваемся. Наша коммуналка как вакцина от оспы. Мы приходим «к коммунизму — низом», как писал Маяковский. А я так и вовсе «с небес поэзии бросаюсь в коммунизм».

Шутка Анны понравилась, и все засмеялись.

— Аня много стихов знает. Особенно Пушкина, — продолжила Татьяна Ивановна, с гордостью глядя на дочку.

Быков вспомнил, как Аня читала в ресторане письмо Татьяны к Онегину, и с улыбкой посмотрел на нее, а та опустила голову и покраснела.

— А вам-то, Борис, спектакль «Послушайте» понравился? Я слышала от Ани, что вы поступаете в ГИТИС на режиссерский факультет?

— Я Борису подарила книгу Ивана Павлищева, — торопливо сообщила Анна матери.

— Это что, последний экземпляр? — строго спросила Татьяна Ивановна.

— Нет, мама, у нас еще две книги есть.

Быков быстро сориентировался:

— Я практически этот сборник статей прочитал, могу вернуть.

— Да нет, Аня правильно сделала, что подарила вам эту книгу.

— Он что, ваш знакомый, этот Павлищев? — напрямую спросил он.

Обе женщины замолчали. Первой заговорила Татьяна Ивановна.

— И знакомый тоже. Но главное — эта книга очень полезна для начинающего режиссера. В

ней ясно и образно рассказано о ремесле постановщика. — Она сделала паузу, отпила глоток шампанского, поправила шаль и продолжила: — Время идет, а его книга по-прежнему и полезна, и актуальна. Кстати, в книге много предвидений: что опять вернется театр самодовлеющей формы, авторского театра, предсказания, что «площадная» эстетика вновь, как в двадцатые годы, перейдет на сцену. Павлищев ушел из жизни 25 декабря 1951-го. А в 1956 году появился не только «Современник». Благодаря VI Всемирному фестивалю молодёжи и студентов на подмостки страны прорвалась молодежная эстетика, начатая в «оттепель». Кстати, на этой волне родился и театр Любимова, его Щукинский курс стал основой для спектаклей «10 дней» и «Послушайте». Мне не хотелось отставать от времени, и я увлеклась поэмой Маяковского «Про это!», посвященной Лиле Брик. А эпиграфом сделала эти строки. — Татьяна Ивановна сняла очки и напевно произнесла:

— *Эта тема ко мне заявилась гневная,
приказала:*

— *Подать
дней удила! —*

*Посмотрела, скривясь, в моё ежедневное
и грозой раскидала людей и дела.*

Выдержав короткую паузу, она сказала:

— Вот такого Маяковского я люблю. Это сегодняшней Маяковский. Разве не так?

Рассказ Татьяны Ивановны поверг Быкова в смятение. Его поразило, как она информирована, как понимает время и театр, поэтому он сделал ей пас: признался, что хотя ему многое в этом спектакле понравилось, но и многое озадачило.

— А что озадачило? — спросила хозяйка.

— Озадачило то, что этот спектакль чрезмерно политический. Мне мешали не кубики с алфавитом, не тема борьбы с тем, что вы называли мелкобуржуазным мещанством. Мне было жаль актеров, которые впятером осиливали роль Маяковского, но, на мой взгляд, в спектакле намного интереснее был сам Любимов. Он своими иносказаниями и метафорами переиграл своих актеров. Тема раскрыта не благодаря исполнителям, а вопреки им. Именно поэтому мне больше всех понравился

молчащий Маяковский. Я даже запомнил фамилию актера — Владимир Насонов. Я не люблю, когда «шинкуют» классику. При этом обязательно выдергивают негатив. На одной встрече я слышал выступление режиссера, который утверждал, что русские писатели придумали Россию, чтобы не было стыдно. Якобы поэтому на сцене противопоставлено щадить этот народ, как не щадил его писатель Иван Шмелев. Я хорошо запомнил его слова: «Русские — народ, который ненавидит волю, обожествляет рабство, любит оковы на своих руках и ногах, любит своих кровавых деспотов, не чувствует никакой красоты, грязный физически и морально, столетиями живёт в темноте, мракобесии, и пальцем не пошевелил к чему-то человеческому, но готовый всегда неволить, угнетать всех и вся, весь мир. Это не народ, а историческое проклятие человечества». Но нет, я сам так не думаю, — поправился Быков. — И все же многие режиссеры именно так показывают на сцене то, что вы назвали «моё ежедневное», — далее Быков вставил на манер Татьяны Ивановны: — Разве не так? — и замолчал.

Она удивилась:

— Как же вы запомнили такой длинный и тяжело написанный текст? Я, готовя свои программы, мучаюсь, пока всё не выучу.

Быков был польщен, но себя не выдал, лишь скромно ответил:

— Это обстоятельства заставили.

— Какие? — тихо спросила Анна.

— У нас в НИИ пара человек собралась за кордон, они обосновывали отъезд литературными примерами. Вот, мол, два выдвиженца на Нобелевку терпеть не могли Россию. А чем мы хуже? Ну и приводили в пример Шмелева и Бунина. Я их почитал. Оказывается, всё не так. Со Шмелевым — верно, но с Буниным все наоборот. Я тогда и выучил две цитаты. В том числе и бунинскую: «Если бы немцы заняли Москву и Петербург и мне предложили бы туда ехать, дав самые лучшие условия, — я отказался бы. Я не мог бы видеть Москву под владычеством немцев. Я могу многое ненавидеть и в России, и в русском народе, но и многое любить, чтить ее святость». Потом при случае я ввернул эти высказывания в разговоре, и,

Даша была черноглазой, с черненькими волосами, завивающимися вверх к затылку. Она сразу Быкову понравилась. С первого взгляда было очевидно, что девочка похожа на отца. Тут Быков впервые запомнил имя бывшего мужа Анны — режиссера Аркадия Снидовича.

— Значит, дочка будет Дарьей Аркадьевой? — спросил Быков и странно посмотрел на Анну.

— Вот такое у меня счастье. Его купить нельзя, но можно родить, — со смущенной интонацией ответила Анна. — Снидович девочку любит, после развода исправно платит алименты. Кстати, просится назад на любых условиях, но у меня принцип, подходящий к нашему случаю: самая достойная верность — та, которая бывает во время трудности. А самое недостойное предательство — то, которое бывает во время доверия. У меня было полнейшее доверие. В результате я получила неза заслуженное предательство, которое изжила только сейчас.

После этих слов Быков обнял её и стал целовать.

— Подожди, — она пошла к двери и заперла её. — Мама не войдет, я уже сказала, что у нас роман, но все-таки так спокойнее.

Она укутала спящую девочку одеялом, взяла Быкова за руку, и они пошли к зашторенному окну, возле которого стояла большая тахта. На этот раз все было по-другому: так бывает, только когда все лучшее, что есть в женщине, дарится не любовнику, а любимому.

Вечером, когда Быков собрался уезжать, Анна хотела его проводить в прихожую. Они вместе зашли к Татьяне Ивановне — попрощаться. Когда Анна на минутку отлучилась на крик дочери в другую комнату, Татьяна Ивановна задержала его ладонь в своих руках и, приблизившись, тихонько сказала ему:

— Не обижайте Анну. Она редкая женщина. Я вижу, что она вас полюбила. Второго удара она не выдержит.

Анна проводила Бориса до Рязанского проспекта. Они долго стояли на обочине, разговаривая на прощание. Она пригласила его на спектакль. (В ближайшую субботу детский театр давал спектакль по стихам Агнии Барто.) Потом влюбленные никак не могли расстаться и снова в разговоре возвращались к

Татьяне Ивановне, так понравившейся Быкову. Наконец он поймал такси. Прощаясь с Анной, сказал:

— У тебя замечательная мама, я постараюсь её не разочаровать.

Он сказал это искренне, в порыве душевного подъема. Много позже он бесчисленное количество раз будет вспоминать тот разговор как самые лучшие минуты в отношениях с Анной.

В субботу Быков, купив большой букет роз, поехал в детский театр. Об Агнии Барто он знал немного. Знал, что она детский писатель и, конечно, ведущая передачи «Найти человека» на радио «Маяк». Передача была трогательной, и у нее были свои слушатели, Борис — в их числе. Вообще, у Быкова, страстного поклонника прежде всего радио, а не телевидения, было две передачи, которые он любил: «Встреча с песней» Виктора Татарского и «Найти человека» с Агнией Барто. В обеих передачах читали письма радиослушателей. Но Виктор Татарский, первый исполнитель на сцене запрещенного в это время «Мастера и Маргариты», чередовал письма с песнями по заявкам слушателей. А Барто рассказывала, как ездит по детским домам, расспрашивает детей об их прежней жизни. Она знала, что детские воспоминания — очень яркие и детальные картинки из прошлого — могли помочь отыскать родных послевоенных сирот. За девять лет передачи неутомимая Агния Барто соединила девятьсот семей.

В театре распахнулся занавес, и на сцене появились актеры. В тот вечер Быков открыл для себя Агнию Барто как классика детской поэзии. В постановке было занято много актеров, но Анна была для него лучшей. Она превосходно выглядела, безупречно владела словом, была пластична и, на удивление, прекрасно пела. Ей несколько раз аплодировали. А сцены в рассказах «Снегирь», «Уехали» и особенно в «Любочке» прошли просто «на ура».

Многих из тех, кто появлялся на сцене, Быков видел в санатории в Сочи.

После представления в фойе он неожиданно натолкнулся на Эдика.

Эдик искренне обрадовался Быкову. Когда пили в буфете кофе, он заявил:

— Старик, я все про тебя знаю.

— Что именно? — удивился Быков.

— Знаю главное: что ты купил квартиру. Поздравляю, старик! Но ты так не отделаешься. Да-да, не получится. Надо, старик, проставиться! Вот возьми да пригласи всю нашу сочинскую компанию к себе на новоселье. А? Слабо?

— А что, прекрасная идея! — оживился Быков.

— Мы с Анной это обсудим и дадим знать.

— Ну, как тебе спектакль? — спросил Эдик.

— Смотрел с удовольствием. Сразу скажу, Анна мне понравилась больше всех, — с нескрываемым удовольствием сообщил Быков.

— У нее сегодня был особый спектакль, — с явным подтекстом заметил Эдик.

— Почему? — Борис напрягся.

Эдик ответил в лоб:

— Старик, сегодня главным зрителем на спектакле был будущий режиссер Борис Быков. Звучит монументально, правда?

Быков не ответил. Вместо этого спросил:

— А почему не играла Джемма? В программке её имя указано.

— Не знаю. Слышал, что она заболела. Кстати, ты поступил в ГИТИС? — перескочил Эдик на другую тему.

— Нет, пока сдал экспликацию, экзамены на следующей неделе.

— Ну что ж, желаю успеха. А мы сейчас с Алениной — в ВТО¹ на «мясо по-суворовски». Это у нас традиция. Я этот спектакль люблю, потому что он короткий. И саму Агашу обожаю, особенно за передачу «Найти человека». Хороший она поэт. Недаром Гамзатов о ней сказал: «Она всегда идет навстречу одному поколению, провожая другое». По-моему, здорово! А что, если вы с нами тоже в ВТО? У них там допоздна и вкусно, и весело. Пойдем, шахматист?

Слово «шахматист» резануло слух, но Быков сделал вид, что не придал этому значения. Он улыбнулся, пожал Эдику руку и добавил:

— Не знаю, согласится ли Аня пойти в ВТО, все-таки маленький ребенок. А что касается «проставиться» — обещаю. Аня передаст, когда встретимся. Да и вообще, я твой должник. Я это помню.

— Хорошо, что помнишь. Кстати, небольшой анекдот на тему долга: «Сосед решил попросить у старика денег взаймы, не вернув старый долг. Старик выслушал его и разрешил взять из шка-

тулки необходимую сумму. «Но в ней же нет никаких денег!» — удивился сосед, открыв пустую шкапулку. «Откуда же им взяться, раз ты их еще не вернул!» — невозмутимо ответил старик». Так что до встречи, жду сигнала.

Они еще недолго поговорили, и Быков пошел на служебный вход встречать Анну.

Там было полно народу. Люди ждали с цветами, обсуждали спектакль, встречали любимых актеров. Анна вышла нескоро. Быков уже стал нервничать, когда она появилась. Видно было, что она устала, но счастлива. Приняв протянутый букет роз, она поцеловала его, крепко оперлась на его руку, и они пошли в направлении метро.

После душного помещения на улице было хоть и многолюдно, но дышалось глубоко и с удовольствием. Они не торопились с разговорами, хотелось просто идти рядом и молчать. Неожиданно Быков её поцеловал в висок, на её вопросительный взгляд ответил:

— Молодец!

— Правда? — недоверчиво спросила она.

— Аня, ты была ве-ли-ко-леп-на!

Он так растянул это громкое «великолепна», что прохожие стали оглядываться.

— А что, если нам пойти и отметить этот спектакль? Время не позднее. Пойдем в ВТО. Говорят, у них превосходное «мясо по-суворовски», — уверенно зачастил Быков, словно и сам был завсегдаем этого места.

— А что, хорошая идея. Надо только предупредить маму.

Они остановились у автомата, и Аня сделала два звонка. Первый — Быков не понял кому, а второй — домой.

— Мама целиком «за», Даша уже спит, — сообщила она, — так что пойдем и напьемся.

Желающих попасть в ресторан ВТО было много. Выстроилась большая очередь. Пускали по мере того, как кто-нибудь выходил. Эдик с актрисой Алениной был впереди, они помахали Быкову и Анне, когда те встали в конце. Время шло, без очереди просочились Василий Лановой и Людмила Максакова, потом прошли председатель ВТО, директор Ма-

¹ ВТО — Всесоюзное театральное общество, при нём был ресторан.

лого театра Михаил Царев с Михаилом Жаровым — директором Центрального Дома актёра имени А.А.Яблочкиной.

Очередь недовольно гудела, но терпела. Вдруг Эдик, продвинувшийся к самому входу, махнул рукой, подзывая Быкова и Аню. За мзду дежурному объяснили, что они пришли вместе.

В зале почти все столы были заняты. Официантка, которая хорошо знала Эдика и Аленину, устроила их первыми, а потом посадила Быкова и Анну к паре пожилых актеров, которые уже заканчивали ужин. Аня тихо шепнула: «Народные. Тенин и Сухаревская».

Знаменитая парочка лениво отреагировала на подсевшую молодежь, допив кофе, они ушли. Тотчас к Ане и Быкову подсел небольшого роста брюнет с высокой девушкой, похожей на балерину. Пара заказала себе «суворовское» и триста граммов водки.

Быков долго просматривал меню и, в конце концов, тоже заказал водку, «суворовское», а на десерт — кофе и мороженое. Общаться было непросто, в зале шумели; не переставая клокотал многолюдный говор, иногда перебивавшийся громкими возгласами и приветствиями.

Но вдруг в зал вошла компания, во главе которой была дочь Брежнева Галина. Она двигалась с гордо поднятой головой, казалась крепкой, плечистой и была похожа на спортсменку, только что установившую мировой рекорд.

Брежневу уверенно вела официантка. По-видимому, для её компании был заказан стол. За дочерью генсека, улыбаясь и приветствуя знакомых по сторонам, следовал красавец-мужчина с великолепной фигурой и белесой челкой на лбу. Весь его вид выражал уверенность, славу, богатство. По нему сходили с ума женщины, ему завидовали мужчины. За границей аристократы и миллионеры предлагали в подарок замки и даже острова, а в Советском Союзе ему покровительствовали высшие партийные чиновники, но главное — в него без памяти была влюблена Галина Брежнева. Это был народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, солист Большого театра Марис Лиепа.

По пути к заказанному Брежневой столу Лиепа заметил брюнета и балерину, сидевших рядом с Анной и Быковым. Марис остановил-

ся, а те даже вышли из-за стола, они шумно поздоровались, обнялись. Лиепа пригласил их к ним за стол:

— Сережа, бери Тамару и пошли к нам. Галя там заказала столько, что на роту хватит.

— Нет-нет, Марис, не могу, — звонко ответил сосед и что-то шепнул Марису на ухо.

— И хорошие гастроли? — тихо спросил тот.

— Классные! Четыре города, и платят как за сольник.

— Ну, тогда ни пуха. Надо быть в форме, — ободряюще сказал Лиепа.

Мужчины засмеялись, и, пожав руку, Марис пошел следом за Брежневой, которая недовольно рыкнула на отставшего от свиты.

Быков, оценив, как независимо повел себя сосед, заметил:

— Вы, я вижу, устойчивы к соблазнам?

— Напротив, но рано утром мы с Тamarочкой и Московским мюзик-холлом едем на гастроли. Надо быть в форме. А от них, — он кивнул в сторону стола Брежневой, — живым не уйдешь, знаю по себе.

— Судя по голосу, вы певец? — спросил Быков.

Аня тотчас исправила ситуацию:

— Боря, это известный певец Сергей Менахин, солист мюзик-холла.

Вскоре разговор наладился. Борис предложил выпить за женщин, позже сообщил, что они идут со спектакля в детском театре. Менахин очень смешно стал рассказывать, как работал у режиссера Наталии Сац в детском музыкальном театре, где, несмотря на рост и, как он выразился, «отвратительную морду», спел фрагменты из оперы Шарля Гуно «Ромео и Джульетта». Потом для общего удовольствия принялся копировать знаменитую даму — режиссера детского музыкального театра — с её характерной картавостью.

В этот момент в зал в сопровождении какого-то молодого человека вошел мхатовец Владислав Ш. В одно мгновение Борис и Анна одеревенели. Увидев пришедших, оба сделали вид, что это их не касается. Однако через секунду Анна шепнула:

— Боря, с ним мой бывший муж.

— Кто? — переспросил Быков.

— С Владиславом Ш. пришел мой бывший

муж — Снидович, — пересохшим ртом сообщила она.

Дальше начался спектакль, который они потом долго вспоминали, не понимая, как так сошлись звезды, чтобы получилась эта «подготовленная импровизация».

Как только Сергей Менахин и Тамара ушли, а Аня пошла в туалет, к Быкову подсел Снидович и, не мешкая, взял быка за рога:

— Я знаю, что вы тот молодой человек, — начал он невежливым голосом, — который ухлестывает за моей женой.

Быков сразу ответил:

— Я знаю, что Анна Тарасова была замужем за каким-то режиссером. Знаю, что она развелась. Это дает мне право не ухлестывать за ней, а ухаживать, встречаться и даже строить планы... Как я понимаю, ваша фамилия Снидович?

— Да, это я.

— Вот-вот, она говорила мне, что именно с вами она развелась. Разве не так?

— Так, но это уже в прошлом. Мы восстанавливаем наши отношения, и вы в этой ситуации лишний человек. Не забывайте, что у нас дочь, и я хотел бы, чтобы вы вели себя по-мужски.

— То есть как? Чтобы я отвалил — так, что ли? Не получится. И это как раз будет по-мужски, — тихо, но твердо ответил Быков.

— Что вы дурака валяете, оставьте мою жену в покое, и всё, — громко взвизгнул Снидович, — иначе будете очень жалеть. Очень! Вы, кажется, поступаете в ГИТИС? Я видел вашу фамилию в списках. Так вот в любой момент все может обломиться. Никакого ГИТИСа не увидишь как своих ушей, — перешел на «ты» бывший муж, и лицо его покраснело от злости. — И последнее — говорю прямо, чтобы потом не обижался: если я еще раз увижу вас вместе, пеняй на себя! Как говорили в старину, побрею голову!

В это время вернулась Анна, и Снидович, ослабившись зло, поздоровался, затем, ни слова не говоря ей, вышел из-за стола. Аня услышала слова «побрею голову» и завелась с пол-оборота.

— Это кому он «побреет голову»? — едва сев на свое место, начала она, оглядываясь на стол, где сидели мхатовец и Снидович. — Я ему сейчас покажу!

Она попыталась встать, но Быков её удержал.

— Успокойся! Не хватает здесь выяснять отношения. Твой бывший муж перебрал и готов мстить. Посмотрим! Давай допивай кофе и пойдём. Я тебя провожу.

— Никуда я бежать не собираюсь, — все больше вскипала Анна. — У меня есть мороженое, кофе. Пока не доем, мы никуда не тронемся. Что он тебе говорил? — требовательно спросила она.

— Аня, он нёс всякую ерунду.

— Не обманывай меня. Он расчетливый и мстительный тип. Я тебя спрашиваю, — нервно говорила она, — что он тебе говорил?

— Говорил, что ваш развод в прошлом. Говорил, что мне будет очень, очень плохо и что он перекроет мне дорогу в ГИТИС.

— Что? — воскликнула она и, развернувшись в сторону Снидовича, резко вскинула руку и показала фигу.

Этот поступок немного успокоил её, дрожь прекратилась, Аня стала доедать мороженое, запивая кофе.

В то время некоторые посетители начали уходить. Первыми в сопровождении официанта и администратора вышли Царев и Жаров, потом прошли Василий Лановой и Людмила Максаква, за ними потянулись другие. Шумели только в той стороне, где сидела компания Галины Брежневой. Там широко и раздольно затянули народную песню «Рябинушка». Оставшиеся посетители благоговейно прислушивались к «хору имени Брежневой», в котором голос дочки генсека звучал громче всех.

Неожиданно Быков заметил, как мхатовец что-то шепнул Снидовичу и, отодвинув кресло, направился к их столу. Когда Владислав Ш. подошел ближе, Быков резко встал, готовясь к драке. Но мхатовец драться не собирался. Он присел на свободное место и тоном прокурора, сверля Быкова глазами, начал:

— Ну, здравствуйте, бывшие друзья по застолию! Как я понимаю, вы не ожидали, что мы снова встретимся? Считайте, это мой сюрприз. Я имею честь сказать вам следующее: нормальные, хорошо воспитанные и совестливые люди после жульнического турнира находят партнёра и, несмотря ни на что, извиняются. Вы ж, шерочка с машерочкой, решили, что все в по-

рядке: одурачили противника — и дело сделано. Нет, голубчики, такое не забывается. Мы все в одной «театральной берлоге», и каждый должен отвечать за свои поступки. На дуэль я не вызываю, но отказать себе в удовольствии плюнуть вам в лицо не могу. — Мхатовец шваркнул носом, набрал слюну и собрался плюнуть, но Быков быстрым движением успел поставить перед его ртом кулак.

Быков побагровел, скулы на его лице обострились, заиграли желваки. В нем мгновенно проснулся тот мальчишка, который в детстве ни драк, ни побоев не боялся.

— А ну-ка, встать! — скомандовал он. — И — марш из-за стола, иначе я снесу тебе голову!

Мхатовец на секунду оторопел. Взвесив ситуацию и оценив могучий вид яростного противника, он посмотрел по сторонам и благообразно отступил. Но в ту же секунду громко, для ушей рядом сидящих выкрикнул:

— Как говорят горцы: месть — самый надежный вид правосудия. И именно её вы дожде-тесь, — он эффектно на публику развернулся и направился к своему столу.

За столом Брежневой как ни в чем не бывало пели всё ту же «Рябинушку». Чтобы сгладить эту напряженную атмосферу и не портить себе настроение, и за соседними столами гости стали подхватывать всем известную песню. В зале звучало неслаженным хором:

*Вечер тихой песнею над рекой плывет,
Дальними зарницами светится завод,
Где-то поезд катится точками огня,
Где-то под рябинушкой парни ждут меня.*

*Ой, рябина кудрявая, белые цветы.
Ой, рябина, рябинушка, что взгрустнула ты?*

Внезапно в зале появились крепкие молодые люди в галстуках и костюмах. Они несли огромный розовый торт, а следом над головами посетителей поплыли пышные букеты цветов. Песня оборвалась, из дальнего угла ресторана стали долетать поздравительные речи и тосты.

Быков не выдержал: отодвинув от Анны кофейную чашку, взял ее за руку и вынудил покинуть зал. Они ненадолго задержались возле гардероба, встретив знакомую Анны, и направив-

лись на выход из Дома актеров. Обернувшись, Борис увидел, что по коридору за ними идут Снидович и Владислав Ш.

«Драки не избежать», — мелькнуло в голове Быкова, когда они с Анной вышли на улицу Горького. Он развернулся, чтобы сориентироваться в обстановке, однако, увидев рядом со входом в здание милицию и прижатые к обочине два правительственных «ЗИЛа» с водителями, несколько успокоился. Преследователи были неподалеку. Тоже увидев милицию, Снидович с Владиславом Ш. отошли в сторону и стали оживленно разговаривать, вскользь поглядывая в сторону Быкова и Анны. Борис попытался поймать такси, но милиционеры по громкоговорителю вещали, что здесь останавливаться запрещено. Вдруг двери Дома актеров распахнулись, и на улицу Горького начала вываливаться большая шумная компания Галины Брежневой. В руках у неё и Мариса были охапки цветов, кто-то из компании нес початые бутылки шампанского, а крепкий мужик тащил на плече ящик, набитый едой и выпивкой.

Под громкий хохот, перекрикивая друг друга в каком-то неистовом ликовании, вся эта компания стала нырять в черные лимузины, разом загудели моторы. Дорогие авто дернулись вперед, проехали метров десять и вдруг, не сбавляя хода, стали разворачиваться на встречке, не уступая машинам, движущимся по своей полосе. Заскрипели тормоза, водители принялись сигналить, под трехэтажный мат вынужденно пропуская зарвавшихся хозяев жизни. Прохожие тарасили глаза на это грандиозное своеволие и, не скрывая ненависти к этим «черным призракам» и их пассажирам, тоже открыто возмущались.

Милиция вскоре исчезла, и Снидович с Владиславом Ш. решили, что их час настал. Они развалистыми шагами направились к тому месту, где по-прежнему безуспешно ловили такси Анна и Быков. Драки, казалось, не избежать, но тут с визгом остановилась машина, и Быков, устроив Анну на заднем сиденье, сам сел рядом с водителем, не глядя в сторону взбешенных заговорщиков, громко скомандовал: «На Таганку!»

Только в машине, почувствовав себя в

безопасности, он стал анализировать случившееся. Первое, о чем думал Быков: кто мог сообщить Снидовичу и Владиславу Ш., что они с Анной направились в ресторан ВТО? По идее, «кротом» мог оказаться Эдик, но Быков сразу отбросил этот вариант. Тогда кто же? Он спросил об этом Аню. Та ответила, что тоже думает об этом, но до сих пор не может понять.

У дома Анны Быков тоже вышел, чтобы попрощаться. Однако она настояла, чтобы он отпустил такси и зашел с ней. Они вошли в подъезд, и Анна ненадолго отлучилась. Через несколько минут она вернулась и, поцеловав его, тихо сказала:

— Мама забрала Дашу к себе. Они обе спят. Моя комната свободна, ты останешься у меня.

— Почему? Я спокойно доберусь до общежития, — возразил он.

— В таком состоянии я тебя не отпущу.

— Это неудобно, — возразил Быков. — С каким лицом утром я буду с Татьяной Ивановной общаться? Кто я — друг семьи, любовник, муж или товарищ по несчастью? Это же всё придется объяснять.

— Ничего объяснять не придется. Ты просто уйдешь раньше, и она тебя не увидит.

Они прошли в комнату, быстро улеглись в постель. Прижавшись к Анне, он наконец успокоился. Засыпая, подумал, что хорошая женщина — та, которая для своего мужчины может быть всем — и матерью тоже.

В воскресенье рано утром Быков уехал в общежитие НИИ и отсыпался у себя весь день.

На следующей неделе развернулись главные события в этой истории. Случайно позвонив в ГИТИС, чтобы уточнить время экзаменов по актерскому мастерству — Борис заблаговременно приготовил стихотворение, басню и отрывок прозы — он узнал, что его экспликация по пьесе Чехова «Предложение» комиссию не удовлетворила. На просьбу объяснить почему, ответ был уклончивый и невнятный. Он тотчас заподозрил, что угроза Владислава Ш. сработала. Быков с напором повторил вопрос. После длительной паузы и шуршания бумаг на другом конце провода ему всё же зачитали короткое заключение: «Нет точного видения пьесы, отсутствует логика режиссерского

мышления, и в целом во всей работе нет самостоятельного решения». А последний абзац Быкова просто сразил. Голос дежурной на кафедре выдал заключение: «В работе абитуриента Бориса Быкова просматривается отсутствие общей эрудиции, вкуса и кругозора».

Когда в телефонной будке Борис повесил трубку, ноги его буквально подкосились. Быков давно бросил курить, но тут не выдержал, стрельнул у прохожего «Приму» и стал дымить, не зная, что делать дальше. Докурив, он снова вошел в телефонную будку и позвонил Анне. Выслушав новости, она предложила ему немедленно приехать к ней. Через час Быков уже был на Таганке.

Татьяна Ивановна уже во всех подробностях знала о конфликте в ресторане ВТО и о неприятной экспликации в ГИТИСе.

Спросив у Быкова, какой объем должен быть у вступительной работы, Анна вдруг предложила:

— А что, если тебе написать экспликацию по лермонтовскому «Маскараду»? Ты ведь бредишь этим произведением, мечтаешь его поставить — вот садись и работай.

— Где я за это время соберу материал?! Где напечатаю?! — воскликнул Быков. — Уже завтра с утра две печатные страницы нужно отнести в ГИТИС.

Анна показала рукой на внушительную семейную библиотеку:

— Борис, вот книги. У мамы есть печатная машинка. Садись за этот стол и пиши. Мама напечатает, а ты еще сегодня после обеда успеешь отвезти свою экспликацию в ГИТИС. Помню, ты очень интересно трактовал роль Неизвестного в «Маскараде», вот тебе и тема. Кстати, на фоне нашей субботней истории это выглядит более чем актуально.

Спокойный деловой тон Анны возымел действие. Получив от нее кипу добротной писчей бумаги, Борис сел за стол и начал работать.

Вскоре на четырех страницах Быков убористым текстом набросал вариант экспликации. Перечитав, и сам пришел в отчаяние. В этом наброске не было ничего, что требовалось от абитуриента, мечтающего поступить на режиссерское отделение ГИТИСа. Когда к нему в комнату заглянула Анна, по его лицу догада-

лась, что работа не получается. Она прочитала текст и предложила:

— Надо передохнуть, а я, если не возражаешь, покажу твой набросок маме. Пойдем пока перекусим. Оставь текст здесь, на столе, мама его посмотрит.

Они пошли в комнату к Даше. Женщины пошептались, и Татьяна Ивановна быстро вернулась в свою комнату. Прошло часа полтора, прежде чем в дверь негромко постучали. Татьяна Ивановна с сочувствующим взглядом протянула Быкову три листка бумаги. Быков взглянул на первую страницу и прочел:

Экспликация

*«Драма Михаила Лермонтова «Маскарад»»
(Новое о Неизвестном)*

Далее было написано следующее.

«Неизвестный в драме «Маскарад» выступает активным действующим лицом дважды — в начале, предостерегая Арбенина, и в конце, как бы подводя итог. Он не участвует в интриге, не направляет на Арбенина ход событий, но является одним из главных героев в этой истории и вводит особый смысл в неё.

Этот Неизвестный — такой же, как Арбенин, только с другой жизненной ситуацией. Арбенин прошёл через своё картёжное и весёлое прошлое и изменился, женился, а Неизвестный так и застрял в этом прошлом. Он так же, как и его нынешний враг в молодости, играл, выигрывал, и его бы ожидало такое же будущее: много денег, красавица-жена. Но он встретился в карточном поединке с Арбениным, и тот обыграл его, обанкротил и этим сломал ему жизнь. Неизвестный больше не мог ни о чём думать, кроме как о мести Арбенину. И он посвящает этой мести свою жизнь.

Каким бы странным это ни показалось, но редкий читатель и даже театральный режиссёр-постановщик сумел заметить, что драма «Маскарад» является одним из самых загадочных произведений великого писателя. Не только в нашу советскую эпоху, но, пожалуй, и до неё эту драму относили, как правило, к реалистическому ряду мировой литературы и драматургии, невзирая на то, что главный герой, а

именно Арбенин, по своим качествам и характеру резко отличается от всех остальных героев, что свойственно скорее романтизму.

Так о чем же драма Михаила Лермонтова «Маскарад» и, главное, почему так нужен автору в этой драме такой герой, как Неизвестный? Почему-то никого не озадачивает тот факт, что Неизвестный появляется уже почти в конце, в глубине сцены видит, как Евгений добавляет в мороженое яд, и даже не препятствует этому. При этом он не соучастник и даже не свидетель, иначе драма превратилась бы в обычный детектив, а Арбенин предстал бы перед судом.

Тем не менее стереотипно считается, что Арбенин сошёл с ума, и это мнение крепко укоренилось в умах читателей, зрителей и даже режиссеров. Но это не так. Арбенин заканчивает тем, что сидит полулёжа с неподвижными глазами. Что это за состояние? Обморок? Апоплексический удар? Кома? Если бы налицо была смерть, драма «Маскарад» получила бы статус трагедии. В таком случае Неизвестный, произнеся при этом фразу: «Я отомщён!», — превратился бы в злопыхателя и злодея, дожидавшегося мести в виде жертвы невинной женщины, и стал бы одиозным интриганом, подобным шекспировскому Яго. Однако, в отличие от Яго, Неизвестный вовсе не интригует. Он появляется неожиданно, и читателю-зрителю приходится гадать: кто же он. На этот вопрос Лермонтов не даёт прямого ответа. Поэт от него уходит. Уходит, вероятно, умышленно.

Однако, кто внимательно вчитывается в драму «Маскарад», обязан обратить внимание, как представляется Арбенину Неизвестный:

Я твой добрый гений.

Да, не примеченный, везде я был с тобой:

Всегда с другим лицом, всегда в другом

Наряде —

Знал все твои дела и мысль твою порой —

Остерегал тебя недавно в маскараде.

Следующая строка — «Оберегал тебя недавно в маскараде» — вновь подчёркивает тот факт, что Неизвестный не реальная, не плотская личность. Если оберегал, то почему не убе-

рэг? Да потому, что совесть можно и усмирить. Реальный Неизвестный, безусловно, остановил бы Арбенина в решающий момент. Ведь он видел, как Евгений добавляет в мороженое яд. К сожалению, в наших театральные постановках Неизвестный вовсе не выглядит «добрым гением». Наоборот, в нём усматривается что-то страшно-мистическое, что-то отталкивающее. На самом деле Неизвестный — всего-навсего обиженный на Арбенина игрок, который когда-то неоднократно ему проигрался, а теперь злорадствует, радуется несчастью Арбенина как своей победе. Вот этот монолог:

*Я верил счастью. Сел играть с тобой
И проиграл, — отец мой был скупой
И строгий человек. И чтоб не подвергаться
Упрёкам — я решился отыгаться.
Но ты, хоть молод, ты меня держал
В когтях, — я снова проиграл.
Я предался отчаянью — тут были,
Ты помнишь, может быть,
И слёзы, и мольбы... В тебе же возбудили
Они лишь смех. О! лучше бы пронзить
Меня кинжалом. Но в то время
Ты не смотрел ещё пророчески вперёд.
И только нынче злое семя
Произвело достойный плод.*

Подводя итог нашим оценкам лермонтовской драмы, заметим: игра в карты по высшему счёту дело богопротивное, и проиграл здесь не Неизвестный как персонаж. Проиграла сама совесть Арбенина. Она взывала, она молила, а в ответ возбудила один лишь смех. Арбенин победил её в самом себе.

Вот что об этом говорит Неизвестный:

*И в свете мне открылся новый свет,
Мир новых, странных ощущений,
Мир обществом отверженных людей,
Самолюбивых дум и ледяных страстей,
И увлекательных мучений.
Я увидал, что деньги — царь земли,
И поклонился им. — Года прошли,
Всё скоро унеслось: богатство и здоровье;
Навеки предо мной закрылась счастья дверь!
Я заключил с судьбой последнее условие —
И вот стал тем, что я теперь.*

Да, внутри себя Арбенин всё понимает. Он лишён истинного счастья, а деньги вовсе не царь земли. Никто, кроме самого Арбенина, не знает имени убийцы Нины. Но дух раскаяния уже овладевает им. И именно Неизвестный разоблачает в Арбенине убийцу своей жены. В этом и есть главная сверхзадача лермонтовского героя.

«Маскарад» — это и сюжет из шекспировского «Отелло», и, казалось бы, подражание «Коварству и любви» Ф. Шиллера. Тем не менее никому из перечисленных авторов не пришлось в голову так и в таком качестве использовать загадочный образ Неизвестного. Сделано это гениальным Лермонтовым, и сделано неподражаемо.

Абитуриент Борис Быков».

— У вас получилось три страницы, — вкрадчивым голосом сказала Анина мама.

— Не у меня получилось, а у вас, Татьяна Ивановна, — мрачно ответил абитуриент Быков.

Анна взяла текст и, бегло прочитав его, обернулась к Быкову:

— Боря, это то, что надо. Езжай, пока не поздно, в институт и отдай экспликацию в приемную комиссию. Единственное, что надо сделать, это проставить дату.

Татьяна Ивановна допечатала дату, и Быков поехал в ГИТИС.

Поздно вечером он позвонил Анне и сообщил, что экспликацию приняли, он допущен к экзаменам. Попутно он рассказал Анне, что обещал Эдику проставиться по случаю новоселья.

— Где ты это хочешь сделать? В пустой квартире? — спросила она.

— А что, сделаем шведский стол, а сидеть будем на ковриках, как японцы.

— А почему бы тебе не купить что-нибудь в квартиру?

— Что?

— Ну, хотя бы польский гарнитур на кухню. А можно, если хочешь, обустроить и все жильё. Были бы деньги.

— Деньги как раз есть, но у меня нет времени. У меня ведь еще экзамены начинаются. Это же надо ездить по магазинам, выбирать, я это сов-

сем не умею. У нас в общежитии все по минимуму, так мы привыкли.

— А тебе и не надо это уметь. Есть человек, который это сделает быстро, хорошо и продуманно. Какой метраж твоей квартиры? Это хоть знаешь?

— Знаю: кухня — восемь метров, комната — девятнадцать. Прихожая — около четырех, а санузел совмещен с ванной, — быстро доложил Быков.

— Ну что ж, хорошая однушка, слава богу, что не как в анекдоте.

— В каком анекдоте?

— Молодожены получили квартиру. Первая брачная ночь... Только молодые легли в постель, настойчивый звонок в дверь. Жених, матерясь, идет в прихожую и открывает дверь. В квартиру, ни слова не говоря, заходят два мужика с гробом на плечах, обходят супружеское ложе и — на выход. Жених: «Не понял! Что за *****?» — «Извини, братан! В подъезде не развернуться!»

Быков так захохотал, что стоящие в очереди у автомата приняли его за пьяного. Он жестами просигналил стоящему у будки народу, что разговор заканчивает, и напрямую спросил:

— Аня, все, что ты советуешь, правильно. Но кто этим обустройством будет заниматься? Ты, что ли?

— Bravo, догадался! Давай завтра с утра приезжай к нам. Привози деньги, ключи и адрес. Мы с тобой оговорим, что нужно в первую очередь, я всё куплю и перевезу в квартиру.

— Подожди, а кто это все разгрузит, кто поставит по местам?

— Не волнуйся, у меня есть люди на примете — соседи по коммуналке. С тебя только напитки и закуски. Оставь на это дополнительно деньги. Девочки приедут, все наготовим, а проигрыватель я притащу свой. Из-за Дашки столько месяцев ни одной пластинки не слушала. Соседи твои уже въехали?

— Не знаю. Наверное, кто-то уже появился. А что?

— Пошумим, хороший сабантуй устроим. Новоселье все-таки. Ну и, конечно, надо дом обжить.

— В каком смысле?

— В простом, пролетарском.

— Говори быстрее, тут мне кулаками грозят! — крикнул в трубку Быков.

— Рассказываю: звонок в дверь. Открывает дверь девушка, видит, стоит мужчина. Он говорит: «Здравствуйте. Я ваш новый сосед!» — «Снизу или сверху?» — «Что, прямо так сразу?»

Она хихикнула на той стороне и добавила:

— Это как раз и называется «по-пролетарски». Пока. До завтра. Приезжай пораньше, чтобы успеть все.

Быков повесил трубку, бочком, чтобы кто обиженный в запале не ударил, вышел из кабины, сопровождаемый руганью самого терпеливого в мире народа, и поехал к себе в общежитие.

Будильник он поставил на восемь и к девяти утра уже был у сберкасс. Но и в это время стояла очередь. Когда дошло до него, на часах было уже без четверти десять. Он снял со сберкнижки две тысячи рублей из пяти полученных за проданные по негласным правилам дом и участок, позвонил Анне и, поймав такси, поехал на Таганку.

Аня встретила его в боевой готовности. На столе были разложены журналы с иллюстрациями наборов мебели. Стенка «Онега» Быкову понравилась больше всего, но цены кусались. «Онега» стоила две тысячи девятьсот рублей. Однако и в подборке так называемых «спортивных гарнитуров» он нашел то, что его устроило. Это был недорогой и подходящий набор мебели. Весь набор — стенка, диван, два мягких кресла, стол плюс шесть стульев к нему, тумбочка — стоил тысячу двести рублей. С кухонным гарнитуром всё было проще. Польский стоил пятьсот рублей. Он был и красивый, и легкий, и вполне подходил к восьмиметровой кухне. Когда Анна подвела баланс, то оказалось, что денег хватает.

В одиннадцать в дверь Анны постучали. Это был сосед, который доложил, что погрузочная бригада в полном составе ждет её в машине. Они вышли на улицу, где был припаркован «газик» с закрытым кузовом, на котором было написано «Детская парфюмерия». На боку кузова — рисунок, маленький слоненок, хобот которого упирается в «Знак качества». Чуть ниже — крупная надпись: «Хороший подарок детям». Быков передал Анне ключи от квартиры и бу-

мажку с адресом. Условились, что он после первого тура приедет в новую квартиру. Когда Аня уселась в кабину рядом с шофером, Быков мысленно сказал себе: «Как же повезло!»

Экзамены в ГИТИС на режиссерский факультет шли в два тура. Время тянулось долго. Поступающий ждал своей очереди, читал приготовленные вещи экзаменационной комиссии, а потом всем участникам приходилось долго ждать, чтобы узнать, пропустили их дальше или нет. На это уходило много времени, и нетерпеливые абитуриенты слонялись где-нибудь поблизости или сидели в кафе неподалёку от Театра Маяковского.

Когда Быков узнал, что его пропустили во второй тур, он схватил такси и в нетерпении поехал на «Ждановскую». Кооператив «Элемент» строился ускоренным способом. Его председателем был племянник академика Коростылева, поэтому рядом с домом уже была обустроена площадка для автомобилей, и к тому же на одном из заседаний правления «племянник» сообщил: есть договоренность с московским телефонным узлом, что дом в ближайшее время будет телефонизирован.

Таксист доставил Быкова прямо к третьему подъезду, и он, расплатившись, буквально взлетел на второй этаж. Дверь в квартиру была «голой», но цифра семьдесят шесть выглядела счастливой. За дверью звучала музыка, кто-то пел. Когда Аня открыла дверь, то первое, что он почувствовал, это запах жареного мяса в его собственном доме. Быков так привык, что вся его жизнь, в том числе и обеды, проходит на людях, что, увидев, как его встречает любимая женщина в его собственной квартире, от волнения попросту ошалел. Слезы накатили на его глаза. Он подумал, как жаль, что мать не дожила до этого момента. И действительно, было чему удивляться. Справа в прихожей он увидел закрепленную вешалку, а впереди в проеме двери, ведущей на кухню, уже стоял белый стол с четырьмя табуретками. В большую комнату дверь была закрыта, оттуда лилась музыка.

Прежде всего Аня, как гид, широким жестом пригласила Бориса на кухню, где уже был приготовлен салат, стояли две бутылки вина. На газовой плите в глубокой сковороде под

крышкой шкворчало мясо. Окна были распахнуты, и видно было вдалеке название ресторана «Вешняки», находящегося в двухстах метрах от дома. Вдохнув побольше воздуха, Аня пропела что-то вроде туша и распахнула дверь в комнату.

То, что увидел Быков, поразило его. Не сумев сразу найти слов, он что-то промывчал, поцеловал Анну и неожиданно развалился на ковре, который вообще-то не планировался к покупке. Новенький гарнитур был расставлен с учетом метража: диван с тумбочкой уместились в одной части, кресла — у стены в центре, а посередине комнаты стоял покрытый скатертью стол с шестью стульями.

Про ковер Аня пояснила:

— Когда я увидела его, вспомнила твою идею принять гостей как японцев — сидя на ковре. Я не удержалась и купила вот это чудо. Он, конечно, дорогой — сто восемьдесят семь рублей, но зато размер — два на три. И какой красавец! А это, — она показала на замолкший при виде хозяина электрофон, — мой тебе подарок. «Юность — 301». Новая модель Ленинградского объединения «Спутник». Вот прикупила и пластинки. Теперь у тебя целая коллекция. Здесь есть и твой любимый Федор Шаляпин. Она поставила пластинку и добавила: — Эта «Юность» предназначена для проигрывания грампластинок любых форматов на скоростях 33, 45 и 78. Твой Шаляпин — на тридцать три оборота. Пожалуйста!

Грянул оркестр, зазвучали «Очи черные». Когда вступил хор, Быков не удержался и, схватив Анну, принялся с ней танцевать, подпевая Шаляпину.

— Слушай, — сказала она, когда он чуть успокоился, — а у тебя, кажется, есть голос.

— Спасибо, но сейчас этот «голос» хочет есть.

Они устроились на кухне и принялись ужинать под музыку. Быков быстро разделался с мясом и салатом, выпил вина и, когда Шаляпин запел «Прощай, радость, жизнь моя», стал подпевать. Голос у Бориса был ближе к баритону, чем к басу, но радость, которая переполняла его в этот вечер, делала его пение волнующим, сильным; голос летел через открытое окно во двор, на улицу.

Позже, когда он вспоминал этот день, удив-

лялся, как он был счастлив тогда. В памяти будут всплывать шуршание пластинки, голоса прохожих на улице Вешняковской, шум автобусов, чириканье птиц, конечно, незабываемое пение Шаляпина и любимая рядом.

К финалу Быков затянул что было мочи, понимая, что текст песни созвучен их с Аней истории любви.

*Вспомни майский день,
Как купаться вместе шли.
Как ложились на песочек,
На желтый на мелкий песок,
Ой, темна ночь, ой ноченька,
Эх, да не спится!..*

Были в той песне и такие строки:

*Сам не знаю почему,
Ты, девчоночка, меня,
Ты одна меня тревожишь,
Одна решила мой покой,
Ой, темна ночь, ой ноченька,
Эх, да не спится.*

Они пели дуэтом, танцевали, целовались. Когда дома вино закончилось, решили прогуляться до ресторана «Вешняки».

Народу в ресторане было немного. Зал больше походил на заводскую столовую. Официант предложил меню. Выбор блюд был небольшой. Кроме бульона с яйцом, явно оставшегося с обеда, внимание Ани и Бориса привлек салат «Столичный». Заказали еще свиные котлеты к двумстам граммам водки. Блюда подавали быстро, понятно было, что приготовлены они заранее и успели постоять. Но и разогретые котлеты на косточке Ане и Борису понравились — так и манили румяным жирком. Оркестр из пяти лабухов играл «Чубчик кучерявый», «Дорогой длинною», «Купите папиросы» — а по сути одно и то же. И только одну вещь — новый шлягер композитора Тухманова «Эти глаза напротив» — посетители ресторана заказывали за деньги. Эта песня звучала за вечер много раз.

На все эти мелкие неудобства Аня и Борис не обращали внимания. Главное, им было особенно хорошо в этот вечер, они были счастливы.

Оба понимали, что отныне у них есть гнездо, где можно строить новую жизнь.

Когда они вернулись из ресторана домой, Быков совершил необычный поступок: он открыл дверь квартиры, подхватил Анну на руки и, как невесту, внес в прихожую. Дальше была любовь, и совсем не «по-пролетарски».

Утром оба проснулись от звонка в дверь. Когда Быков открыл, его ждал сюрприз. Перед ним стояли два мужика с телефонным аппаратом и уже подведенным из коридора кабелем. Анна быстро оделась, пропустила связистов в комнату, и вскоре они услышали, как один из мастеров докладывал, что телефон по адресу: улица Вешняковская, 35/26, квартира семьдесят шесть, установлен. Один из связистов вручил Анне листок с номером теперь уже их домашнего телефона, после чего, получив от Быкова «пятерку», ранние гости ушли.

Утром Быкову надо было поехать на консультацию в институт, поэтому он, не позавтракав, ушел первым. Анна осталась в квартире одна. Оказалось, вчерашние возлияния были чрезмерными для нее: болела голова, и она, не раздумывая, позвонила завтруппой театра, сообщив, что не сможет присутствовать на репетиции. При этом договорилась, что следующий спектакль по Агнии Барто снова будет играть она сама, а не Джемма. На вопрос, согласовано ли это с Джеммой Смоленской, ведь именно она — первая исполнительница, Анна соврала:

— Я Смоленской звонила после спектакля, она еще нездорова, температурит, — сочинила на ходу, — и поэтому она не против, чтобы послезавтра играла я.

Анна была убеждена, что с Джеммой она договорится позднее.

— Хорошо, — ответила заведующая труппой, — тогда я ставлю вашу фамилию в график.

Анне очень хотелось закрепить тот успех, который у нее был во время посещения спектакля Быковым. В ближайшие дни все еще шли премьерные спектакли, и стало известно, что на следующее представление придет сам Аникст, большой друг и поклонник Агнии Барто. Александр Аникст, хоть и был шекспироведом, писал и театральные рецензии. О

Джемме в этой премьере уже написали, Аня мечтала, что Аникст напишет о ней.

Несмотря на плохое самочувствие и упадок сил, она позвонила маме. Узнав, что с Дашенькой все в порядке и Татьяна Ивановна с ней не устала, Аня сообщила, что дома появится позже — якобы после репетиции. На вопрос матери, доволен ли теперь Быков своей однокомнатной квартирой, Аня ответила:

— Не то слово, мама! Он внес меня в квартиру как невесту!

— Поздравляю, дочка, — отозвалась Татьяна Ивановна и тут же предупредила: — Смотри, Аня, чтобы всё было аккуратно.

Через некоторое время Анна заварила себе кофе, но пить его расхотелось. Она намыла несколько тарелок, привезенных из дома, и стала слушать «Музыкальный калейдоскоп» в исполнении оркестра Олега Лундстрема.

Настроение поднялось, только когда позвонил Быков, чтобы узнать, как дома работает связь. Неожиданно Ане пришла в голову мысль отпраздновать новоселье прямо завтра — как раз выходной день в театре. Быков одобрил, поручил ей пригласить гостей и купить что нужно.

— Деньги на столе, под скатертью, — сообщил он.

— Давай эти деньги не будем трогать, — по-хозяйски распорядилась Аня, — у меня еще осталось больше ста рублей из тех, что ты давал на мебель.

Она стала обзванивать знакомых и сообщать, что у Быкова появился телефон и он приглашает на новоселье. Все удивлялись, как это быстро у Анны с Борисом сладилось, многие поздравляли, а в чьих-то словах звучала неприкрытая зависть.

Не случайно Чехов, великий драматург, знавший закулисы от и до, к тому же женатый на актрисе, утверждал, что в мире театра существует червоточина, которая заставляет опасаться даже за будущность театрального искусства.

Но о таком Ане и думать сейчас не хотелось, состояние безграничного счастья, когда все складывается как нельзя лучше, затмило ей разум. Она с воодушевлением приглашала тех, кто свободен, на новоселье, объясняла, как лучше добраться, попутно предлагала за-

писать номер телефона, который уже называла своим.

Предварительно соглашались приехать многие, но по факту на новоселье заявились лишь трое: Джемма, Эдик и Ольга Аленина.

И ровно с того момента эта театральная история получила иной ход — так, словно случилась катастрофа, перевернувшая все с ног на голову.

Гости пришли к семи часам без опозданий, причем не с пустыми руками. Подарки были символическими. Джемма где-то раздобыла два бюста: один — Станиславского, а другой — Менделеева — как раз для актрисы и химика. К тому же Аня говорила подруге, что кооператив, который построил дом, называется «Элемент». Джемма заявила, что в театре всё состоит из элементов. Вот на Таганке рядом Брехт, Мейерхольд и Станиславский. Каждый из них внес свой вклад в театральное искусство. И все они обязаны Менделееву, который создал периодическую систему химических элементов. Ольга Аленина подарила аквариум с единственной золотой рыбкой. Она так и объявила, что Анна для Быкова — большое счастье и удача, как та самая волшебная рыбка, исполняющая желания. Эдик к трем бутылкам коньяка присовокупил в подарок шахматную доску со словами: «Я твою победную партию помню наизусть и нашел за черных ничью. Позже обязательно покажу».

После того как все изучили обстановку новой квартиры, поцокали от восхищения языками, началось застолье.

А через полчаса застолья, когда гости подвыпили, началось чёрт-те что.

За счастье Анны Аленина и Смоленская решили пить не вино, а коньяк. С каждым тостом они нахваливали «хозяйку дома», сравнивая её то с Дорониной, то с Фрейндлих.

— Вот посмотришь, еще немного — и тебя заметят, снимут в кино! — кричала Аленина, ставшая от коньяка неуправляемой.

Анна от лестных сравнений расчувствовалась, прослезилась и потеряла контроль. Пока Эдик на кухне показывал Быкову, как Владислав Ш. мог бы свести ту самую шахматную партию вничью, девушки в комнате перешли на домашние проблемы своего театра. Анна с упоением рассказывала о том, как её прини-

мали во время спектакля по Агнии Барто, когда она заменяла Джемму. Неосторожная фраза подружки — и самолюбие Джеммы оказалось задетым.

Анну понесло:

— Многие говорили, что я в этой роли ничуть не хуже тебя, Джемма. А если меня увидит на сцене сам Аникст — уж он-то сразу всё поймет!

Оля Аленина, изменившаяся в лице, резко бросила вилку на тарелку. Со звоном тарелка треснула и раскололась, но никто не придал этому значения.

Внешне Аленина как будто обрадовалась за Анну, на которую внезапно свалилось такое счастье во всем. Но появилась у Оли и зависть — эта потаенная «досада по чужом добре или благе». «Почему, — стучало в голове Алениной, — у Анны — так. А у меня с Эдиком — только постель и дружба на людях?»

Выпив ещё коньяку, Аленина с обидой за Джемму вдруг закричала:

— Как тебе не стыдно, Анька! Джемма по твоей просьбе «заболела»! Только чтоб ты, провалившая роль во время репетиций, показала перед своим хахалем! А теперь что делаешь ты? Внаглую звонишь завтруппой и, не спросив согласия Джеммы, назначаешь себя на следующий спектакль. Куда это годится? Это свинство, Аня! Шахматиста твоего здесь нет, — перешла на тихий регистр Ольга, — но я тебе по дружбе скажу: ты одним местом привыкла пробивать дорогу. Помню, как ты охмурилась Снидовича. Конечно, Снидович — сволочь. С этим, — она указала на кухню, где играли в шахматы Эдик с Быковым, — его не сравнить. Квартиру принес тебе на блюдечке с золотой каемочкой. Но за что ты обидела Джемму, свою подружку?!

— Неправда, — не сдерживаясь, крикнула Анна, — я после спектакля ей позвонила, даже пригласила в ВТО в ресторан, чтобы отметить премьеру! Тогда она мне сказала, что больна, что у неё «эти дни».

И вдруг до Анны дошло, откуда стало известно, что они с Быковым после спектакля пошли в ВТО и почему там появились Снидович с Владиславом Ш. Мгновение — и она мысленно реконструировала тот день. Поняла: о намерении идти в ресторан, кроме Ольги и Эдика, ко-

торые были у них с Борисом на глазах, знала одна лишь Джемма. Волна гнева захлестнула Анну. Она вскочила и четко, словно произнося приговор, стала выкладывать то, что думала:

— В этот вечер по дороге в ресторан я позвонила Джемме и пригласила пойти с нами. А что сделала Джемма, моя любимая подружка? Она тотчас донесла Снидовичу. Дальше было проще: Снидович, который неоднократно снимал Владислава Ш., позвонил мхатовцу, и они вместе, как говорится, при полном зале устроили нам публичную экзекуцию. Чудом дело не дошло до драки! — Анна обернулась к Джемме и крикнула: — Спасибо тебе, подружка, за эту «любовь» и за подаренную возможность сыграть роль. Ты многие годы прикидывалась подружкой, а втайне, оказывается, ненавидела меня. Ты втерлась в доверие, звонила моей маме, интересовалась её здоровьем, рассказывала, что мы с тобой не разлей вода. Но как только мне повезло и появился намек на успех, ты устроила западню, чтобы посмотреть, как мы с Борисом пойдём ко дну. Такие поступки называются предательством. Ты думала, что все сойдет с рук, никто не догадается, что это твоих рук дело! Ошибаешься! Ты всё предала, Джемма! Правильно сказано: не бойтесь врагов — бойтесь друзей.

Повисло молчание. Выключилась музыка, иголка царапнула пластинку. Через секунду оба мужчины появились на пороге комнаты и с недоумением уставились на женщин. Увидев их, Джемма вскочила и со слезами бросилась в ванную.

Наконец присутствующие стали подавать реплики. Спустя мгновение говорили все разом, вразнобой, о чем-то спорили. Больше остальных выступала и не могла остановиться Анна.

Прошло значительное время, но шум и выяснение отношений не прекращались. Джемма выскользнула из ванной, к ней подошёл Быков. Он провёл её в кухню, стал успокаивать. Его слова подействовали.

Джемма не могла забыть эпизод их знакомства с Быковым и поведение Анны, бесстыдно бросившейся с поцелуями к мужику, который приглянулся и самой Джемме. Теперь была возможность поквитаться. Джемма стояла у ку-

хонного стола лицом к дверному проему, Борис — прямо перед ней и спиной к выходу. Когда на пороге кухни появилась Аня, Джемма первой заметила ее. Она схватила Быкова за плечи, притянула к себе и со словами: «Я умею лучше», — впиалась губами в его губы.

Крепко выпившая, до предела разгневанная Анна, увидев Джемму, целующуюся с Быковым, обезумела. Она метнулась к ним, сильным движением отшвырнула соперницу и вlepила Борису пощечину.

В следующее мгновение, не проронив ни слова, Анна ринулась в прихожую, схватила свою сумку и выскочила из квартиры. Быков кинулся за ней, сбежал вниз на первый этаж, но было поздно. Кто-то подъехал к их подъезду на такси, и Анна юркнула в машину. Быков рванул следом за машиной, пытаясь остановить ее на повороте, но у него не вышло — таксист не отреагировал на преследователя.

Отчаявшись, Борис опустился на скамейку. Оглядевшись, увидел, что магазин поблизости еще открыт. Быков сходил купить сигарет. Вернувшись на скамейку, закурил, с непривычки захлебываясь от кашля. Сколько-то так просидел, опустошенный. Неподалеку был телефон-автомат. Снова закурил, потом еще... Наконец, отбросив недокуренную сигарету, Борис стал звонить Анне домой, надеясь, что она уже приехала к матери. Он набирал и набирал номер, в ответ слышались длинные гудки. Наконец ответила Татьяна Ивановна. По голосу ее Борис понял, что она что-то знает о случившемся.

— Анна не хочет с вами говорить, — сухо ответила Татьяна Ивановна и повесила трубку.

Тогда Борис стал названивать через каждые пять минут. Не выдержав, трубку взяла Анна. Быков не успел ничего сказать, а она выпалила:

— Больше мне не звони, предателей я ненавижу!

Раздались короткие гудки, он положил трубку и направился к своему дому. В квартире тихо играла музыка. Гости ушли. На кухне все было убрано. Чистые тарелки горкой лежали под полотенцем.

Борис вошел в комнату, а там Джемма лежала на диване. Она улыбалась и ждала его.

Прошло несколько дней. Быков не звонил Анне, она тоже не искала его.

Как раз в те дни он сдал последний экзамен, затем увидел на доске объявлений приказ о своём зачислении в ГИТИС. Вторым по алфавиту стояла его фамилия; отныне он студент самого знаменитого театрального института страны.

Чтобы отметить, Быков пригласил четырех сокурсников в кафе, находящееся рядом с Театром Маяковского. Вечер удался: крепко выпили, за столом почти не спорили. После всех испытаний новоиспеченным сокурсникам хотелось расслабиться и больше узнать друг о друге.

Быков оказался в центре внимания, его слушали с интересом. Ребята потянулись к нему как к человеку опытному и уже кое-что повидавшему в жизни.

Когда застолье заканчивалось, официант вручил Быкову записку и пояснил:

— Просили отдать вам. Человек, который её передал, сидит в зале выше этажом. Он ждет вас.

Это была салфетка. Все сидящие за столом с любопытством уставились на таинственное «подношение». Быков развернул салфетку. Красным цветом на ней было написано: «f-6»!

Быкова прошиб пот, он мгновенно протрезвел. Посыпались вопросы ребят, что за таинственный код указан на салфетке. Борис, скрыв волнение, отделался какими-то междометиями.

Официант тут же принес счет, и Быков, перехватив его, сам выложил за всю компанию круглую сумму. Потом попрощался с ребятами и пошел наверх.

Второй этаж был для избранных. Здесь проводили время крупные чиновники, дельцы и деловые люди. Знакомый уже официант показал Быкову на угловой стол, за которым сидел незнакомый мужчина лет пятидесяти. У него были длинные волосы, Быкову даже показалось, что он в парике. Худое удлиненное лицо напоминало Гоголя. Мужчина сидел излишне прямо, держал спину так, будто кол проглотил, — подобно перископу возвышался над столом. Словно давний знакомый, человек помахал Быкову, всем своим видом давая понять, что встреча не случайна. Взволнованный, недоумевающий Быков подсел к нему и развернул салфетку с посланием.

Даже не поприветствовав Быкова, мужчина начал говорить тоном, не терпящим возражений:

— Похвально! Очень похвально, молодой человек, что пригласили своих сокурсников и лично оплатили банкет. Широко жить и быть хозяином жизни похвально, но и опасно.

— Чем же это опасно? — настороженно поинтересовался Быков, чувствуя исходящую от собеседника угрозу.

— Понимаете ли, — начал он обтекаемо, — обсуждения тех или иных вопросов, которые могут привести к складыванию того, что называется общим мнением или единодушием, для нас не любим и не даем возможности людям группироваться в большие массы, потому что из-за враждебности и зависти они могут поглотить тех, кто принимает решения.

— Вы из КГБ? — напрямую спросил Быков.

— КГБ — это пестрый сброд. Маскерад, — незнакомец многозначительно усмехнулся. — Им только кажется, что они управляют миром. Есть силы, которые посущественнее, вот они и направили меня к вам, — мужчина взял салфетку, которую принес Борис, аккуратно расправил её и указал на запись: — Как вы понимаете, мы знаем всё, — знаем, что вы выиграли партию нечестно, знаем, кто подсказал вам этот ход и кто поспособствовал вашей победе.

Быков, напряженно вникая в смысл услышанного, заметил, что этот таинственный незнакомец напоминает ему давнего знакомого — того старика-критика, который в Сочи пугал его наказанием, чуть ли не дуэлью за «совершенное преступление» по отношению к своему другу. В памяти Бориса всплыли кавказцы, их бегство с Аней из Сочи.

Неужели все это звенья одной цепи? Неужели этот пустяк — проигрыш в шахматах — может засесть занозой в голове Владислава Ш. и подвигнуть его так долго мстить? Неужели недостаточно унижения, которое Борис пережил, когда ему завернули первую экспликацию? Или того, что он испытал в ресторане ВТО, когда не дал плюнуть себе в лицо на глазах у известных людей? Когда это закончится? Что нужно сделать, чтобы эта ошибка переста-

ла преследовать его? Эти вопросы роились в голове Быкова, но ответа не было.

Незнакомец словно подслушал его мысли.

— Нас больше не волнует ваша сомнительная победа, — заговорил он снисходительно. — Более того, я готов рассказать вам, кто вас дезавуировал и предал.

— Кто?! — неистово воскликнул Быков, терзаемый неизвестностью.

— Все, что связано с вами, сокрыто во фразе: «Cherchez la femme». Да-да, «ищите женщину». Кстати, это и вас характеризует как мужчину. Когда мужчина ведёт себя необычно, когда мотивация его поступков неясна, когда он начинает роман с одной, потом перебрасывается на другую, влюбляется в третью, не брезгует пользоваться услугами четвертой, годящейся ему в матери, — таких мужчин мы называем определенным словом. Да, мужчина, который влюбляет в себя молодую женщину, начинает жить за её счёт, получая всё — билеты в партер Большого театра, звездные знакомства и в довершение — путевку в закрытый санаторий, — таких мужчин мы называем альфонсами. Вы делаете удивленное лицо, — с ехидством заметил незнакомец. — Вы с этим не согласны? Тогда мы идем дальше. В санатории этот альфонс разворачивается в полную силу: заводит роман с одной, с другой, потом с третьей... Выигрывает турнир, влюбляет в себя женщину, которая помогает ему при поступлении в институт. Но здесь, как говорится, не в коня корм! После провала вступительной работы по режиссуре этого альфонса спасает другая женщина. Вместо него она пишет новую экспликацию. Мы зарубили и её, но произошло непредвиденное обстоятельство: после звонка вашей знакомой народной артист СССР, руководитель кафедры, внезапно берёт вас под защиту. Вас — химика, случайно попавшего в театральный мир. Сегодня вы празднуете победу. Шикуете, отмечая успех, который вам не принадлежит. Но помните, вы победили временно! И успех ваш случайный. Жизнь длинная, и в дальнейшем мы сделаем всё, чтобы вы проиграли. Но! Сейчас у вас есть выход. Вы сумеете удержаться и стать тем, кем мечтаете, только при одном условии, — незнакомец многозначительно умолк, глядя в упор на Бориса.

— Каким же? — нетерпеливо спросил тот.
— Если выполните одно наше требование.
— Незнакомец полез в карман и вытащил конверт.
— Вот две тысячи долларов. Они ваши, если вы поклянетесь, что больше не посмеете встречаться с одной женщиной.
— С кем? С Анной Тарасовой? — прошептал Быков.
— Да, с Анной Тарасовой. Она была замужем за человеком, который совершил ошибку, но мы его уважаем. Да, случилась беда, они разошлись. И вот когда все вернулось на место, появляетесь вы — дон Жуан и растлитель. Вы влюбляете в себя эту женщину и срываете план отъезда семьи за границу. Поймите, у нас есть незыблемые законы. В преемственности поколений наша сила, наша стабильность, если хотите, наше бессмертие... Мы физически слабее вас, и это естественно. Вы можете заниматься любым трудом, вплоть до черного, вы способны накачать мускулы, хватать, жить мифами. Мы — другое дело, мы — избранные сыновья. — Незнакомец приоткрыл конверт и показал, что он не пустой. — Итак, ваше решение?

Быков готов был закричать, обругать этого наглеца, послать матом, наконец избить, но его будто парализовало.

— А если я откажусь?.. — через минуту сказал он. — Откажусь от денег, от вашего предложения... Если я скажу, что ни капли не боюсь вас и — более того — презираю?.. Что вы мне сделаете? Убьете? Так на миру и смерть красна.

— Вот только не надо пафоса, — усмехнулся незнакомец. — Не надо героических поз. Среди таких, как вы, героев не бывает.

— Неправда! — резко ответил Быков. — У моих предков тоже есть свои ценности. Им не раз доводилось сражаться за правое дело, защищать близких и родной край. Не все из нас продаются за вот эти бумажки.

Быков взял конверт с деньгами, взвесил его на ладони, ухватив за самый край, хлестнул им по физиономии незнакомца. Тот вскрикнул, выругался, но Быков словно оглох. Он замахнулся, чтобы ударить, но какая-то сила его остановила. Борис плюнул, развернулся и быстро пошел на выход. На улице стал искать такси, но вспомнил, что все деньги ушли на застолье.

Тогда он спустился в метро и поехал на Таганку. Он не хотел звонить Анне, — хотел увидеть ее живьем, узнать всю правду о его поступлении и выложить все, что его сейчас волновало.

Дома Быков застал и Анну, и ее мать. На вопрос, был ли звонок по поводу его поступления, Татьяна Ивановна не стала запираться. Она объяснила, что в этом была необходимость, потому что против него был форменный заговор. Однако, услышав подтверждение о звонке, Борис больше ничего не хотел слушать. Главное было ясно: слова незнакомца оказались правдой. Значит, Быков — альфонс, и таким людям, как он, не место, как он выразился, в «благородном семействе». Правда, на прощание он бросил Анне что-то невнятное о своих чувствах, затем хлопнул дверью и выскочил на улицу.

Быков приехал к себе на «Ждановскую». Около дома он увидел женщину, которая сидела в тени неподалеку от его подъезда. Подойдя ближе, Борис узнал Джемму.

Сейчас для Джеммы главным было то, чтобы Быков не ощерился и позволил ей с ним поговорить. У неё была достоверная информация, которая могла внести ясность в его планы и сложившиеся отношения в их «треугольнике».

Джемма не видела Быкова со дня новоселья, долго обижалась, что он выставил ее вон, когда застал в своей постели. Во все ее объяснения, что она не подстраивала конфликт в ресторане ВТО, Быков не верил.

В действительности же все вышло совершенно случайно. Джемма была звездой в детском театре, потому что зритель хорошо знал ее и полюбил благодаря двум фильмам, в которых она снялась в главных ролях. После неудачного брака с известным киноартистом Х., конфликтным и сильно пьющим человеком, она с сыном осталась одна и на все ухаживания немалого количества мужчин отвечала отказом. Сохранив большие связи в кино и вращаясь среди избранных, она в театре стала своего рода законодательницей мод. В коллективе Джемма была на хорошем счету, с ней считались, ролями, чтобы не ушла в другой театр, не обделяли, и с большинством коллег она была в дружеских отношениях. К Анне Тарасовой она относилась с подчеркнутой доб-

рожелательностью. Анна была из актерской среды, в которой о её матери, в прошлом ведущей актрисы «Ленкома», ходили разные слухи и сплетни. В послевоенное время театральная закулиса с особым интересом сплетничала о знаменитом треугольнике в «Ленкоме», после которого родилась девочка, записанная почему-то на фамилию матери.

Волею обстоятельств подробности этих непростых отношений Джемма узнала на киносъёмках от одной старой актрисы, служившей в послевоенные годы в «Ленкоме». Поэтому в глазах Джеммы Анна была не просто дублёршей, а актрисой, происхождение которой было отмечено печатью родового достоинства. К сожалению, Джемма, уроженка деревни Смолино Ивановской области, такой форой похвастаться не могла.

Когда за Анной стал ухаживать Снидович, она начала появляться в его телепрограммах, а вместе с тем менялось ее положение в театре. Все чаще ее назначали дублером Джеммы. Когда прошел слух, что Анна Тарасова выходит замуж за телевизионного режиссера Аркадия Снидовича, большинство коллег в театре было разочаровано. Шептались, что красавица выбрала мужа не по себе и явно с расчетом, что он будет её снимать. На самом деле он так изобретательно ухаживал за Анной, так настойчиво добивался её расположения, что она по совету матери, прожившей без мужа всю жизнь, сдалась.

В день, когда Анна объявила дату свадьбы, Джемма напросилась быть свидетельницей. Отношения со Снидовичем сохранились у Джеммы и после его развода с Анной. Снидович помогал ребенку, но подробности жизни Анны мог узнать только от Джеммы. Когда скоротечный роман с женой дирижёра закончился, Снидович через Джемму стал активно восстанавливать отношения с бывшей женой. Зная характер Анны и её стойкую неприязнь к бывшему мужу, Джемма восстанавливала их отношения ненавязчиво и умно. Однако жизнь с маленьким ребенком, больной матерью, к тому же в нужде, навалившейся после ухода мужа, вносили свои коррективы. Видя, как Снидович искренне привязан к дочери, Анна смягчилась и готова была снова сойтись с бывшим мужем. Единственно, что её не уст-

раивало категорически, — это планируемый бывшим мужем отъезд из страны. Дело в том, что Снидович, используя связи своего дядюшки и закон о возвращении «хок ха-швут», позволяющий советским евреям уехать жить в Израиль, хотел вывезти семью из СССР, а от туда перебраться в США, где у него многие годы жил еще один родной дядя, продуцирующий киноиндустрию в Голливуде.

Родителей Снидович лишился рано: они погибли в автокатастрофе. Потому воспитывал его в Москве дядя Яков. Он и стал активно способствовать отъезду племянника. (К слову, он-то, этот дядюшка, и пытался запугать Быкова в кафе.) Пока шла подготовка, Анна достала горящую путевку в Сочи и поехала на море, где и встретила Быкова, в которого влюбилась по уши и закрутила роман.

Джемма искала встречи с Быковым. Нашелся и предлог — Владислав Ш. сообщил ей, что Борис принят в институт. Джемма давно знала мхатовца и догадывалась, что он строит козни, чтобы Быкова не приняли. Когда вопреки этому он поступил, Джемма была поражена. Она попробовала позвонить Борису, чтобы поздравить, но телефон молчал. Тогда она купила торт, вино и поехала на «Ждановскую» неприглашенной.

Опасалась, что на порог не пустит. Но едва хозяин открыл дверь, она с напором начала его поздравлять и сетовать, что оборвала ему телефон — так хотела дозвониться. Быкову ничего не оставалось, как впустить Джемму в квартиру. Она быстро накрыла на стол, не умолкая, рассказывала последние театральные новости, но ни слова не говорила об Анне.

Быков не стал пить вино. Вместо этого он достал из холодильника водку. Настроение у него было отвратительное, но живое лицо, влюбленные глаза женщины хоть отчасти отвлекали от мрачных мыслей. Когда Джемма с изысканной осведомленностью рассказала об очередной интриге в театральном бомонде, Быков, уже подвыпивший, не удержался и напрямую врезал:

— Джемма, скажи честно, зачем ты это сделала?

Изобразив недоумение, она вздрогнула и устала на Быкова:

— Что сделала?

— Что? Не юли, я все знаю...

Быков сделал паузу и продолжил:

— Зачем ты рассказала Владиславу Ш. про подсказку хода f-6? Посмотри, как из-за этой ерунды — практически мелочи, проигранной партии, — раскрутилась история, похожая на войну. Мне грозили дуэлью, я выслушал кучу гадостей, меня хотели прокатить с институтом. Я возненавидел всё: шахматы, себя и всё, что связано с этой историей. Ты приехала меня поздравить — спасибо. Но остальное зачем? Кроме тебя этого никто не мог сделать.

Джемма сидела напротив Быкова, и он увидел, как из её глаз покатались слезы.

— Что, разве не так? — чуть мягче спросил он.

— Не так, — тихо сказала она и краем полотенца промокнула глаза. — Всё было не так!

— Тогда как? Расскажи, я хочу знать, кто стал «кротом» в этой истории. Не Анна же? То, что это мог сделать Эдик, я не верю. Тогда кто?

— Быков, твоя беда, что ты не человек, ты ветер. Он тебя несет и уносит. Куда? Неважно. Принципиально одно: ты на свою задницу всегда находишь приключения. Куда бы ни унес тебя ветер, у тебя все заканчивалось сериалом. До встречи с Анной ты не сильно переживал о последствиях, они тебя мало заботили. Ты приехал в санаторий, пользуясь отношениями с прелестной девушкой из Большого театра. Она была к тебе равнодушна, так? — Быков кивнул головой и продолжил слушать. — Но ты её кинул, вернее, переправил к режиссеру из оперного театра, потом ты покрутил с другими... Что, неверно? — Быков снова мотнул головой. Он не хотел возражать. Он начал питаться правдой, вкус которой толком не знал. — Среди твоих мишеней в санатории была ещё одна — страшенькая и обидчивая... Она каким-то образом узнала о турнире и была свидетелем твоей игры... Позже она видела тебя с балериной в ресторане. При личном знакомстве эта шахматистка и рассказала балерине, якобы ты переспал с ней только потому, чтобы она не сболтнула, как ты выиграл.

— Вранье, не переспал! — тихо сказал Быков.

— Не знаю, скорее — нет. Уж больно она страшенькая, — согласилась Джемма и продолжила: — Идем дальше. Ты говоришь: все,

что было в Сочи, в санатории, на турнире, — это ерунда, мелочи... Я тебе скажу так: мелочи не играют решающей роли, они играют всё! Эти «мелочи» руками Владислава Ш. умаслили кавказцев, подговорив, чтобы они отколодили тебя на пляже, затем смели тебя из санатория, устроили тебе экзекуцию в ВТО, чуть не сорвали твое поступление в институт. «Кротом» были твои поступки. В тот день, когда я увидела тебя на море, я, как и Анна, в тебя влюбилась. Она оказалась смелее, голоднее и сразу бросилась на тебя. Я так не смогла, но влюбилась не меньше и сейчас люблю, — вдрут Джемма выдержала короткую паузу и, изменив интонацию, добавила таинственно, вкрадчиво: — Вот я включу сейчас музыку, танцую с тобой и — уеду! Это наша последняя встреча. Больше я на твоём пути не появлюсь.

Борис ничего не ответил.

А Джемма сама включила проигрыватель, обняла Быкова, и они стали танцевать. Борис и сам не понял, почему поддался ей. Музыка звучала громко, пронзительно, и хозяин не услышал, как открылась дверь и в прихожую вошла Анна. Увидев танцующих Джемму и Быкова, она недолго постояла, пристально вглядываясь в их лица. Затем повесила ключи на дверную ручку и вышла на лестничную клетку, не закрыв за собой дверь. От сквозняка, гулявшего по подъезду, дверь квартиры захлопнулась, ключи упали на пол. Мелодия кончилась, так что Быков услышал эти звуки, резко отстранил от себя Джемму и прошел в прихожую. На полу он заметил ключи, которые раньше были у Анны. Он выбежал из квартиры, через ступеньки рванул вниз, толкнул тяжелую дверь подъезда и увидел Анну в отъезжающей машине. За рулем сидел Сидович.

Через две недели Быков нашел в почтовом ящике письмо. Адрес был странный: вместо «город Москва» корявой рукой было написано «здесь». Так не писали и во время войны, а в мирное время тем более. Борис вскрыл конверт. В нем была записка на полстраницы. Быков посмотрел в конец текста — там стояли только инициалы «Т.И.». Он догадался, что письмо от Аниной мамы — Татьяны Ивановны.

«Еще при первой встрече я Вас просила: «Не

обижайте Анну. Она редкая женщина. Я вижу по ней, что она вас полюбила. Второго удара она не выдержит». Вы не послушали и наступили на нее и на меня. Вы обиделись как мальчишка за то, что вам помогли, — помогли искренне и бескорыстно. Но Вы предпочли уйти в кусты, махнув хвостом, как дворовый кот. Я искренне ненавижу Вас! Из-за Вас моя девочка ушла из театра и уехала с дочкой и нелюбимым мужем в другую страну. Я потеряла дочь, а вы — ребенка, которого она носила под сердцем. Когда она уезжала, то вспомнила слова, предназначавшиеся для Вас. Вот они:

*И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее — слава Богу —
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?*

Вы, Борис, оказались пародией, хотя так стремились быть порядочным человеком. Прощайте! Не вздумайте мне отвечать, я даже почерк Ваш не хочу видеть. Т.И.».

* * *

После этой истории жизнь Быкова долго не складывалась. Окончив ГИТИС, он уехал в провинцию, где дослужил до руководителя театра. В восьмидесятых он женился на испанке и более двадцати лет скитался по зарубежью, ставя спектакли в разных театрах. У него родилась дочь.

В начале двухтысячных он отправил жену с дочерью в Москву — хотел, чтобы дочь поступила в ГИТИС на музыкальную. Сам Быков собирался ехать следом, как только закончит спектакль по пьесе Педро Кальдерона «Жизнь

есть сон». Иногда эту пьесу он ассоциировал с собой, потому что в ней был конфликт между судьбой и долгом, человеком и природой, властью и личностью.

На этот раз постановка у него наконец-то получилась — Быков был доволен. Премьера состоялась в лиссабонском драматическом театре Королевы Марии Второй, потом был банкет по случаю выпуска спектакля. После всего Быков в компании своего переводчика Рамоса возвращался в гостиницу. Они хотели продолжить теперь уже прощальный разговор в баре ресторана «Granja Velha», находящегося рядом с площадью России.

Неожиданно Рамос предложил поужинать у него. От гостиницы это было недалеко, так что Быков согласился, и через пять минут они были в небольшой квартире, где их встретила жена Рамоса. Когда ужин подошел к концу, чтобы развлечь гостя, Ева, певица знаменитого испанского хора «Каталонский Орфеон», нашла в коллекции русских пластинок Шаляпина и предложила Быкову послушать, как она выразилась, «русского гения». Быков посмотрел на пластинку номера и попросил поставить песню «Прощай, радость, жизнь моя». Он слушал, и вдруг слезы потекли у него по лицу. Вспомнил Анну, как более четверти века назад они сидели в его квартире и пели эту песню.

Увидев, как расчувствовался гость, Ева сказала:

— Мне тоже нравится эта песня. Я слышала разные ее исполнения, но больше всего мне понравился один израильский певец русского происхождения. Правда, он, в отличие от Шаляпина и канонического исполнения этой песни, меняет строчки в этой вещи. Вот эта пластинка.

Ева покопалась в своей коллекции и достала другую пластинку. На конверте было фото молодого певца.

Со словами:

— Я купила её в Тель-Авиве в прошлом году, — Ева протянула пластинку Быкову.

Борис бегло взглянул на этикетку, но вдруг насторожился и, торопливо найдя свои очки, стал рассматривать фотографию и сопроводительный текст, представляющий артиста.

«Тарасов Федор Борисович, выходец из творческой семьи репатриантов из России».

Быков окаменел и на полминуты замер.

— Что случилось? — воскликнул Рамос, тем временем принесший кофе на большом подносе.

Быков протянул пластинку Еве и крикнул:

— Поставьте его, это мой сын!

После первых аккордов полился серебристый с насыщенным тембром баритон с необычной манерой исполнения. Казалось, певец пел экспромтом, импровизируя на сиюминутно заданную тему. Когда в середине песни певец изменил слово «май» на «июнь», Быков всё понял. Анна, несмотря ни на что, выносила под сердцем сына и дала ему отчество отца. Быков вышел на балкон, сел там на низенькую банкетку. Слезы текли по его щекам, он стирал их ладонью, слушая незабываемые слова:

*Сам не знаю почему,
Ты, девчоночка, меня,
Ты одна меня тревожишь,
Одна решила мой покой.*

К тому времени, когда певец перешел на микст и добрался до строк: «Ой, темна ночь, ой, ноченька, / Эх, да не спится», — Быков потерял самообладание. Он выпросил у друзей в пода-

рок эту пластинку и, попросившись, поспешил в гостиницу, где остановился.

Позже в номере, пролежав всю ночь без сна, он вспоминал до мелочей свою жизнь. Перед ним в каком-то сияющем ореоле царила Анна — его Анна, единственная женщина, которая подарила ему такого великого сына.

На следующий день Быков вылетел в Москву. На борту самолета он фантазировал, как в Москве встретится с сыном, у которого как раз намечалось выступление в Большом театре. Его красавец должен был петь Эскамильо в опере Бизе «Кармен».

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ —

*прозаик, драматург, режиссер,
заслуженный артист России.*

Окончил театральное училище им. Щукина.

Служил артистом Московского театра на Таганке.

Возглавлял Академический театр им. Лермонтова в г. Алма-Ате.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор книг «Обреченная на жизнь», «Грабли для Сатрапа»,

«Грязь к алмазам не пристает», «Запрет на прозрение»,

«Кого отмечает Бог», «Воровская яма», «Триумф и наваждение».

По роману «Семя отечества» вышел телесериал «Репортёры».

Лауреат литературной премии «Имперская культура» (2017).

За роман «Рокировка», признанный лучшим романом 2021 года,

награжден премией журнала «Наш современник».

Секретарь правления Союза писателей России,

ответственный секретарь

Московской городской писательской организации.

